

ДЕТЕКТИВ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья Калинина

Беспредел
в благородном
семействе

Дарья Калинина

**Беспредел в
благородном семействе**

«ЭКСМО»

2015

Калинина Д. А.

Беспредел в благородном семействе / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2015

Чего ждут люди от новогодних праздников? Радости, подарков, счастья... Но никак не череды загадочных убийств! Сначала пропал, а затем случайно был обнаружен в сугробе Толя, муж Лены, с которой вместе трудился в полиции муж Инги Игорь Залесный. Затем при непонятных обстоятельствах была застрелена Лена. Поместье «Дубочки», где компания хороших знакомых планировала весело провести праздники, превратилось в поле для расследования – любимого занятия сыщиц-любительниц Инги и Алены. Но когда в очередном сугробе был найден еще один труп, за дело взялся Залесный, невзирая на скепсис местных представителей власти...

© Калинина Д. А., 2015

© Эксмо, 2015

Дарья Калинина

Беспредел в благородном семействе

© Калинина Д. А., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

В большом мире бушевал очередной финансовый кризис, а жизнь в поместье «Дубочки» текла в привычном русле. Нельзя сказать, что у обитателей поместья совсем уж не прибавилось забот, но заботы эти были совсем необременительные и даже в чем-то приятные. В обширном поместье и раньше, еще до санкций, люди честно трудились и разумно использовали то, чем могла одарить щедрая русская земля своих хлебопашцев и животноводов. И теперь они продолжали честно заниматься тем, что знали и умели лучше всего, – создавать и выращивать.

С мрачными прогнозами мировых экономистов относительно нашей страны хозяин поместья Василий Петрович был категорически не согласен.

– Может, подтянуть пояса на какое-то время нам всем и придется, так не привыкать, – бодрым голосом твердил он. – Главное, чтобы потом было все лучше и лучше. А оно будет! Чай, не на дядьку работать будем, на самих себя. А на себя и потрудиться не в тягость.

И хотя работы в поместье в последнее время стало значительно больше, надо было столько всего успеть, столько сделать, но справлялись с этой работой люди теперь гораздо быстрее, чем прежде.

– А все почему? Потому что налегли, усердие проявили. Ведь русский человек, пока гром над головой не грянет, не перекрестится. А вот грянул! Дождались! Теперь-то забегаем, задвигаемся, заработаем. И то сказать, сколько можно иностранными харчами травиться? Пора уже отечественное сельское хозяйство поднимать.

Василий Петрович знал, о чем говорил. У него и до санкций в коровнике мычало больше ста молочных коров, и это не считая телят, молодняка и нескольких быков-производителей, которых Василий Петрович упорно держал для натурального оплодотворения, не прибегая к помощи искусственного.

– Это все от лукавого, – поучал он своих животноводов, пытавшихся внушить хозяину более прагматичный взгляд на вещи, в частности, что неразумно держать быков исключительно ради производства потомства. – Если есть корова, то при ней должен быть и бык. А у телят, чтобы вы знали, должен быть отец. Кто их иначе уму-разуму учить будет? Нет, вы как хотите, а в мире должен быть порядок. И у любого теленка должны быть отец и мать, которых он сам лично знает. Тогда и из него самого вырастет именно то, что ожидалось, а не непонятно что из пробирки.

И Василий Петрович сумел настоять на своем. Да и кто бы посмел ему всерьез возразить, если у себя в «Дубочках» он был единственным и полновластным хозяином?! Ему повиновались все, кроме разве что любимой жены и верной подруги – Алены. Та единственная могла и смела возражать мужу, правда, прибегала она к своей власти лишь в самых редких случаях. И уж по части воспроизводства крупного рогатого скота она вмешиваться в дела хозяина точно не собиралась.

Кроме крупного рогатого скота, которого теперь у них в «Дубочках» было больше трехсот взрослых особей, Василий Петрович построил птичник, где опять же в открытых вольерах под защитой сетки от неожиданного нападения небесных хищников разгуливали курицы, утки, гуси, индюки.

Фабричные комбикорма Василий Петрович не закупал, либо производил свои, в качестве которых был уверен, либо птиц кормили зерном и травой. Также в птичнике разводились куропатки, фазаны, перепелки и даже голуби. Впрочем, последних Василий Петрович держал исключительно, как он выражался, для души, и потому употреблять этих птиц в пищу никому не позволялось.

Вообще для поместья наступил золотой век. Оно и прежде процветало, но все же иной раз управляющим приходилось побегать, чтобы пристроить весь производимый в поместье товар. Теперь же ничего не застаивалось ни на день. Все, что производилось, тут же отправлялось на прилавки в магазины. Василий Петрович чутко реагировал на нужды страны и был готов снабжать всем, что только могло быть произведено умелыми рабочими руками в его поместье на щедрой русской земле.

При молочной ферме появилась маслобойня, а затем и сыроварня. За рецептами сыров Василий Петрович отрядил своего приходского батюшку.

– Езжайте, отец Андрей, – напутствовал он его. – По своим езжайте, слышал я, что при многих монастырях знатные сыры варят. Вот вы мне рецептики и привезите. Вам-то они как своему скорее скажут.

Отец Андрей отнекивался ровно до тех пор, пока не получил обещание, что из полученных от сыроварни средств Василий Петрович оборудует церковно-приходскую школу, где детей младшего школьного возраста будут обучать не только грамоте, математике и письму, но и знанию окружающего мира. А последний, по мнению отца Андрея, никак не мог произойти сам по себе, то есть без Божьей на то воли.

– Ведь куда ни глянь, всюду Божий промысел виден. И в цветах, и в деревьях, во всей природе нашей! И планеты не сами по себе в небесах кружат, тоже свою зависимость от других галактик имеют. И человек уж так умно устроен, что никак сам по себе получиться не мог. А кто учит детей, что все само по себе произошло, тот неуч и еще того хуже! Так и нечего детей обманывать, надо правду им сказать. Первобытный хаос был упорядочен не сам по себе, а строго по Божьему соизволению. Силой, уразуметь истинный замысел которой человеческому уму не под силу.

Несмотря на занимаемую им ныне должность, отец Андрей не всегда был священником. Еще в недалеком прошлом он являлся вполне светским человеком, был кандидатом физико-математических наук, работал в крупном научном институте. Но, изучая науки, постепенно до такой степени уверовал в то, что все в мире подчинено некоему сверхпорядку, без которого ни одна капля на землю не прольется, что уверовал в Бога, да настолько сильно, что не захотел больше работать по своей профессии и освоил новое дело – стал священником.

– Постепенно мне стало просто неинтересно и даже скучно заниматься наукой, – рассказывал он. – Я понял, что мы сами загоняем себя в узкие рамки, отрицая существование Бога. И теперь уже для всех ученых, даже самых атеистически настроенных, несомненен тот факт, что этот мир выстроен настолько умно и грамотно, с таким точным математическим расчетом, что само по себе ничего в нем так сложиться не могло. Во всем, от строения атома до устройства нашей галактики, налицо такие точные математические расчеты, которые сами по себе, по милости лишь одной матушки-природы получиться никак не могли. Всем управляет некий сверхразум, который люди и называют коротко – Бог.

Но каковы бы ни были убеждения отца Андрея, приведшие его в священнослужители, человек он был общительный, друзей и просто знакомых имел великое множество, так что бактерии для будущей сыроварни он привез сразу из трех мест, что позволило с самых первых дней выпускать широкий ассортимент товара. И оказалось, что сваренные у Василия Петровича в поместье сыры ничуть не уступают, а в некоторых случаях так и превосходят зарубежные аналоги.

– И зря швейцарцы и французы так своими сырами гордятся. Ничего, кроме вонючей плесени, в них хорошего нет. Свои стандарты качества пусть они самим себе оставят, а у нас свои стандарты. Нам главное, чтобы вкусно было и при этом еще и полезно.

Алена тоже имела претензии к Евросоюзу, причем сугубо личного характера. Из-за шпрот. Именно судьба этих маленьких рыбок возбудила в Алене наибольшее неприятие планов Запада на расширение.

– С тех пор как эти три прибалтийские сестры стали окончательно считать себя частью Европы, шпроты у них совершенно испортились. По мнению контролирующих органов Евросоюза, шпроты, видите ли, слишком долго копятся – это вредно для здоровья. Теперь их коптят меньше, есть их стало совершенно невозможно. Кости на зубах скрипят, вкус невыразительный, какую банку ни купишь, всюду одно и то же – сплошной убыток и нервный стресс. Если даже на таком сугубо бытовом уровне видно, что от этого расширения один вред, чего дальше искать?

Услышав в первый раз претензии жены, Василий Петрович задумался. И уже следующим этапом в развитии «Дубочков» стал собственный рыбный пруд, а в будущем целая сеть оных, благо рельеф местности и источники воды, во множестве разбросанные повсюду, позволяли организовать сеть прудов как со стоячей, так и с проточной водой.

– Конечно, морскую рыбу мы тут разводить не будем, но карпа, окуня, линя, а также осетра и форель – очень даже запросто.

Вообще с момента введения санкций Василий Петрович заметно приободрился. Настроение у него теперь было постоянно хорошее. И даже то растущий, то падающий курс доллара и евро не мог его испортить. Василий Петрович кредитов не брал. А товар свой сбывал исключительно внутри страны, за рубли. За них же покупал он и все то, что его поместье не могло производить самостоятельно.

И в банки Василий Петрович соваться избегал.

– Хватит нам на подачки банкиров жить. Кредиты они какие-то придумали, да еще с процентами грабительскими. Проценты – это вообще бесовская забава. Если есть у тебя лишние деньги, дай их своему ближнему на доброе дело, но только без всяких процентов дай. Вернет – хорошо. Не вернет – еще лучше. А ростовщичество – это грязь, от него вся мерзость в мире. Когда один человек честно трудиться не хочет, а хочет, чтобы другой на него работал, тогда эти самые проценты и появляются. Все зло мира – от человеческой жадности и лени!

Что-то, а самого Василия Петровича ни в первом, ни во втором упрекнуть никогда было нельзя. Все работающие на него люди всегда вовремя получали заработную плату. А те, кто жил в «Дубочках» много лет подряд, завели тут семьи, детей, честно трудились и не вызывали нареканий, также получали и процент от доходов поместья.

– Не хочу быть как прежние баре. И недаром их советская власть с тронов скинула. Теперь вот кричат повсеместно, мол, не надо было дворян и знать убивать. Может, и не надо было. А только не просто так гнев народный против них поднялся, были перегибы как с одной, так и с другой стороны. А я вот не хочу и не буду на своих людях наживаться. Кто со мной работает, тот и в деле на заработанное.

Разумеется, узнав о том, что Василий Петрович оставляет себе лично лишь ничтожно малую часть, остальные деньги либо вкладывает в развитие своих обожаемых «Дубочков», либо раздает своим работникам, многие прежние друзья Василия Петровича поспешили объявить его чудачком, а кто-то и вовсе назвал умалишенным.

Но он на все их упреки отвечал одной и той же фразой:

– А с собой никто еще ничего не забирал, что сделаю, все на земле для других людей останется.

– Небось если бы у тебя сын был – наследник всему нажитому, ты иначе бы рассуждал.

– Не знаю, – признавался Василий Петрович, – впрочем, и тогда бы не стал жадничать. Скольких я видел, кто во всем себе отказывал, других людей обманывал и грабил, все ради благополучия детей своих старался, наживал богатство, а дети такими вырастали, что все деньги отцовские по ветру пускали. И что оставалось в итоге? Один только грех и никакого доброго дела. Сатане радость, доброму человеку горе.

Одним словом, Василий Петрович за последние годы настолько преуспел в делах милосердия, что крестьяне теперь были готовы за ним хоть в огонь, хоть в воду. Да и процветающие «Дубочки» с крепкими домиками, уютными садиками, чистыми ровными дорогами и многочисленными постройками производили уже впечатление не просто деревни, а настоящего сельского поселения, да таковым они и являлись по сути дела.

Прослышав, что у Василия Петровича есть и работа, и деньгами он никого не обижает, со всех сторон к нему ехали желающие поселиться в «Дубочках». А приехав и окончательно убедившись, что жизнь тут хорошая, люди быстро осваивались, заводили детей, и скоро одного детского сада и ясельной группы стало не хватать, так много деток народилось в «Дубочках» за минувшие годы.

– Сердце радуется, когда к вам приезжаешь!

Таков был вердикт почти всех, кто побывал в поместье Василия Петровича. А гостей тут, надо сказать, бывало много. Гостили у добрых хозяев в усадьбе их друзья и родственники. Родственники друзей и друзья родственников. Гостили поодиночке, парами и даже целыми семьями.

А почему было бы не гостить? Алена и Василий Петрович всех принимали с одинаковым радушием. Недостатка в пропитании в усадьбе никогда не наблюдалось. А прислуживающие в доме горничные были только рады помочь хозяйке в приеме гостей. Ведь, несмотря на благополучие, жизнь в «Дубочках» была несколько однообразна, и гости вносили в нее желанное и необходимое разнообразие. Гости привозили новости и слухи, а подружки Алены – так еще милые женскому сердцу сплетни.

Иной раз число гостей в усадьбе доходило до нескольких десятков, но такое случалось лишь по большим праздникам. Празднование Нового года и Рождества Алена относила к событию весьма важному. Однако она уже неоднократно убеждалась, что в зимнее время их «Дубочки» друзьям кажутся значительно менее привлекательными, нежели в теплые весенние и летние месяцы. Да и осенью в сезон сбора грибов не было отбоя от желающих провести время в «Дубочках». А вот зимой число желающих побывать в поместье резко сокращалось.

И потому почти у всех приглашенных на празднование Нового года в «Дубочках» нашлись какие-то причины, чтобы отложить свой визит до более благоприятных времен. Из почти тридцати человек остались лишь самые стойкие числом восемь человек. Это были четыре супружеские пары, с которыми сама жизнь свела владельцев поместья и которые за долгие годы стали их настоящими друзьями.

Первой парой были Инга со своим мужем Игорем Залесным. Инга была подругой Алены. Они дружили с институтских времен, когда Алена и думать не думала, что выйдет замуж за Василия Петровича, а после уедет с ним в редкое захолустье, которое волшебным образом потом превратится в процветающее имение.

Сватовство Василия Петровича к Алене проходило на глазах у Инги. И она сразу же посоветовала подруге обратить внимание на этого кандидата, несмотря на то что тот был старше Алены на много лет, а вот ростом, наоборот, ниже почти на целую голову. Но Алена прислушалась к совету подруги, а еще больше прислушалась к зову своего сердца и с тех пор ни разу не пожалела о сделанном выборе.

Ну а Игорь влился в их коллектив не так уж давно, зато, без всякого сомнения, был его весьма ценным членом. Залесный работал следователем по уголовным делам. Но, получив приглашение от Алены, не стал ломаться, а лишь уточнил у Инги:

– Могу я привезти с собой Толика и Лену?

– Конечно. Алена пригласила и их тоже. Мне даже показалось, что ей все равно, кого приглашать, лишь бы хоть кто-то приехал.

Но Игорь слов Инги не услышал. Он вообще в последнее время странным образом глухнул, когда Инга начинала что-то говорить. Инга даже сводила мужа к врачу, но тот никаких отклонений от нормы не усмотрел. «Все в полном порядке!» – сказал он. Так что Инге оставалось лишь предположить, что глухота у Залесного «выборочная» и возникает как реакция на тембр голоса самой Инги.

Надо сказать, что такая глухота бывала очень неудобна при совместном пребывании под одной крышей. Звать Игоря, чтобы поручить ему какое-то дело, приходилось по несколько раз, все время повышая голос. И под конец либо Инга буквально орала, либо сама шла на поиски мужа. И что интересно, такая трансформация слуховых каналов у Залесного случилась буквально на другой день после того, как они с Ингой поставили в ЗАГСе свои подписи под брачным свидетельством.

– Лене у Василия Петровича в прошлый раз очень понравилось, – задумчиво протянул Игорь. – Она просила меня, когда мы в следующий раз поедем в «Дубочки», взять и их с собой.

– Их не надо брать, они приглашены отдельно.

Но кажется, муж и тут Ингу не услышал.

– Будет здорово поехать всем вместе. Лена в последнее время стала какая-то задумчивая, сама на себя не похожа.

Инга лишь вздохнула. Что же, Игорь ее не слышит, но главное, что Лена все же поедет.

Леной звали коллегу Залесного. Женщина была несколько старше их, но все же не настолько, чтобы годиться им в родители. Так что она занимала положение, чем-то схожее с положением старшей сестры. Вроде бы и авторитет, но при этом еще и своя. Была она хохотушка и светлый человек. Лена умудрялась находить позитивное даже в самых, казалось бы, мрачных вещах.

Это было тем более странно при ее специальности и занимаемой должности – Лена была врачом судебно-медицинской экспертизы, патологоанатомом. При такой профессии женщине не полагалось иметь веселый характер. Все, кто знал Лену, неизменно удивлялись, как она с таким легким и жизнерадостным характером может работать столько лет в таком месте.

Но Лена всегда отвечала:

– Моя работа еще больше помогает мне любить жизнь. Когда каждый день видишь смерть, поневоле начинаешь ценить минуты, которые нам выпали в это мире.

Эта располагающая к себе женщина, казалось, была добрым ангелом для всех. Едва заслышав о том, что кому-то нужна помощь, Лена тут же устремлялась в зону бедствия. Именно она опекала новенького Залесного с самого его первого дня в отделе. Но при этом Инга была твердо уверена: никаких амурных отношений между этими двумя не возникало даже гипотетически.

Стоило посмотреть на Лену, как всякие мысли о том, что у этой внушительной, почти что стодвадцатикилограммовой дамы могут быть какие-то намерения относительно Игоря, который даже в лучшие свои времена никогда не весил больше шестидесяти пяти килограммов, сразу же становилось ясно: весовые категории слишком неравны, чтобы этим двоим выступать на одном ринге. Да и вообще Инга сильно сомневалась, что в мире найдется мужчина, который хорошо бы смотрелся рядом с Леной.

Тем не менее несколько лет назад после многих неудачных попыток выйти замуж Лене все же удалось осуществить свою идею. Ее избранника звали Анатолием. И на взгляд Инги, их подруга слишком увлеклась, выбирая себе мужчину подходящей комплекции и забыв о других не менее важных параметрах. Таких, например, как честность, порядочность и трудолюбие.

Да, Анатолий был крупным мужчиной, спору тут никакого не было. Он лишь немногим уступал Лене в весе, зато компенсировал недостаток веса высоким ростом. Но при эффектной внешности Анатолий оказался редкостным бездельником и трутнем. Непостижимым образом он умудрялся находить у себя кучу всевозможных болячек, которые милостиво и предоставлял врачевать своей жене. Узнав, что у супруга в очередной раз был сильнейший приступ болей в левом боку, Лена тратила свое время и средства, чтобы сделать Анатолию все возможные исследования.

И неизменно в конце вздыхала:

– Слава богу, это всего лишь межреберная невралгия.

Но проходил месяц, Лена заговаривала о том, чтобы Анатолий устроился на работу, и у того внезапно обострялась плохо залеченная язва. Или начинали шевелиться камни в почках. Также годились колики в желчном пузыре или любая другая болячка. Так что «болел» Анатолий шесть месяцев в году. А остальные шесть приходил в себя после очередного приступа. Ни о какой работе тут речи идти не могло. И Лена, помимо обычных своих дел, теперь исправно тащила на себе и заботу о муже, и ведение усложнившегося с появлением Анатолия домашнего хозяйства.

Инге было искренне жаль эту славную женщину, которая к тому же всегда была добра к Игорю. Инга неоднократно говорила мужу о том, что считает Анатолия просто лентяем и проходимцем, который нашел кому сесть на шею и теперь беззастенчиво пользуется этим. Говорила она это много раз и достаточно громко, так что Залесный наконец был вынужден отреагировать.

И он сказал:

– Но это не наше с тобой дело. Скажи, если отбросить Анатолия, то Лена тебе нравится?

– Да. Мы с ней подружились. Мне с ней легко и просто. Да и с Анатолием...

Инга не могла не признать, что Анатолия тоже нельзя было назвать законченным мерзавцем. Он не изменял своей Лене, всегда был готов сопровождать ее в любое место, куда она скажет. И в таких случаях на какое-то время отступали на задний план даже его «болезни». К тому же Толя был всегда любезен и почтителен с Леной, редко с ней спорил и, кажется, даже любил ее. И уж точно в отличие от того же Залесного Толя всегда «слышал» свою жену.

Сам себя он называл художником. И хотя у окружающих были некоторые сомнения на сей счет, нельзя было не учитывать факт, что когда-то, на заре своей юности, Толя учился в художественном училище. Толя также всегда с неизменной гордостью демонстрировал несколько работ, написанных им самим на протяжении жизни. Но несколько работ, какими бы талантливыми они ни были, все равно никак не могут прокормить ни самого художника, ни его семью.

До встречи с Леной Толя жил за счет своей престарелой матушки, которая обожала своего сыночка настолько, что закрывала глаза на все его недостатки и видела одни лишь достоинства. Материнская любовь – это великая сила. Она способна сделать из человека героя, но способна сотворить и чудовище. Однако отрицать силу этой любви невозможно. И в случае с Толей и его матушкой даже сама смерть этой достойной женщины послужила явно на пользу Толе.

То есть сначала этого сказать было нельзя. Смерть крепкой еще старушки заставила следователя обратить взгляд на единственного наследника – Толю. И мужчине пришлось пережить несколько весьма неприятных дней, когда над ним висела угроза обвинения в смерти матери. Но зато именно благодаря тому, что полиция заподозрила нигде не работающего Толю в причастности к смерти его матери, и было возбуждено уголовное дело, а Толя познакомился с Леной.

– Мы полюбили друг друга с первого взгляда.

– Когда я его увидела, сердце у меня так и екнуло!

Впоследствии все обвинения с Толи были сняты. Смерть матушки Толи была признана естественной, а самого Толю с извинениями отпустили на волю. Но Лена с Толей уже познако-

мились, полюбили друг друга, а вскоре и поженились, создав маленькую, но прочную ячейку общества. Во всем прочем, если не считать работы и умения приносить в дом копеечку, Толя был идеален. Не пил, не курил, не шумел. Всегда был ласков и неизменно готов подставить плечо, если Лена посещало желание поплакать.

Вот работать Анатолий не любил, что да, то да. Правда, обещал, что в скором времени откроет свою выставку, продаст кучу полотен и тогда облагодетельствует всех своих друзей и любимую жену в первую очередь. Но это он обещал на протяжении уже весьма долгого времени, а дело с точки так и не сдвинулось.

Как-то раз, когда Инга ездила с Игорем в «Дубочки», Лена с Толиком тоже увязались с ними. Там они познакомились с Аленой и ее мужем, сдружились, и теперь не было ничего странного в том, что Алена пригласила и их к себе в гости.

– Вот только мы там с ними были летом. Сейчас зима, вряд ли Лена захочет ехать по холоду.

Однако Лена захотела. Она с восторгом приняла это приглашение, тем более что Анатолию какой-то умник из врачей, не найдя ничего лучше, прописал воздушные ванны, прогулки на свежем воздухе и обильное питье домашнего парного молока.

– Молоко лучше всего выводит из организма накопившиеся шлаки. Раз вы говорите, что ваш муж все время нездоров, но в то же время обследование никаких явных патологий у него не выявило, все дело, я думаю, в накопившихся шлаках. При его комплекции и избыточном весе это довольно частое явление.

Тот факт, что Лена была на пару десятков килограммов тяжелее своего супруга, но при этом чувствовала себя превосходно и ни на какие болячки отродясь не жаловалась, даже гриппом и простудой никогда не болела, врач как-то обошел своим вниманием. А Лена, не слишком критичная по своей натуре, восприняла его слова как совет очередного оракула. И теперь только и твердила, как прекрасно и, главное, с пользой для здоровья Анатолия они проведут нынешние новогодние каникулы.

Алена с радостью подтвердила свою готовность принять Толю с Леной, сказала, что за гостями к станции будет послана машина, что и было выполнено в точности, как задумывалось. На следующий день прибывала вторая партия гостей.

В этой партии должны были приехать то ли пять, то ли шесть человек, две супружеские пары, каждая со своим отпрыском. Правда, полной ясности, кто именно из отпрысков прибудет, до сих пор не было. Сначала одна пара подтвердила свою готовность прибыть вместе с дитем, затем произошла отмена и уже другая пара заявила о готовности везти своего отпрыска. Алена же приглашала и тех и других с ребенком, и вроде бы родители ее слышали.

Поэтому за ними на станцию были снаряжены сразу две машины. В одной ехали Алена с Ваней – их начальником службы охраны, а в прошлом личным телохранителем Василия Петровича. И хотя сидеть за рулем Ване было не по рангу, он все же не смог удержаться и вызвался лично сопровождать хозяев в поездке до станции.

– Так оно и безопаснее будет, и мне самому на ваших друзей поглядеть охота.

Во второй машине за рулем восседал лично Василий Петрович, который желал собственными руками доставить дорогих друзей в свое поместье.

Когда-то Василий Петрович служил с Юрой и Пашей в одной воинской части. Им троим, перспективным и молодым, тогда казалось, что судьба их решена раз и навсегда. Но нужда Родины в трех молодых офицерах на заре девяностых отпала под давлением сил, ответственных за разоружение нашей страны. Так что уволенным офицерам пришлось самостоятельно искать ниши в новой, еще только зарождающейся рыночной экономике.

Василию Петровичу это удалось лучше остальных. Однако он никогда не забывал двух своих старых товарищей, с которыми сдружился во время службы в части на всю жизнь. Так уж получилось, что и жены друзей Раиса и Алла, хотя и были несколько старше годами, чем

Алена, сразу же приняли ее в свои подружки. У них обеих к тому времени уже были дети, которые теперь, спустя почти двадцать лет, должны были стать совсем взрослыми людьми.

Алена уже давно не видела детей своих друзей. Последний раз они виделись, когда ребята еще ходили в школу. Как-то так сложилось, что когда Алена с мужем бывали с визитами в Питере и навещали друзей, то ни Яны, ни Валентина не бывало дома, так что поглядеть на них у Алены не получалось. А уж у них в «Дубочках» ребята – Янина и Валентин – были и вовсе давным-давно.

Вот их родители, те приезжали прошлым летом. Тогда в поместье было еще совсем не так замечательно, как нынче. И гордые владельцы «Дубочков» справедливо полагали, что теперь гости будут восхищены новыми достижениями.

Вот только они не ожидали, что сами разинут рты от изумления, когда из поезда выйдут их друзья в сопровождении совершенно незнакомых молодых людей, в которых превратились их маленькие детки.

– Янина! Валя! Да вы же совсем взрослые!

– И уже давно, тетя Алена, – отозвался Валентин, которого Алена узнала с большим трудом.

Она разглядывала совсем взрослого мужчину, поражаясь тому, как быстро летит время.

– Тетя Алена! – кинулась ей на шею Яна. – А меня вы узнали?

– Бросьте вы! – рассмеялась Алена. – Какая я вам тетя? Зовите меня просто Аленой, как раньше.

Валентин и Яна, хоть и выглядели сперва смущенными, но быстро освоились и принялись глазеть из окон машины по сторонам. Старшее поколение село в машину к Василию Петровичу, а вот молодежь предпочла общество Алены и Вани, невозмутимо сидящего за рулем. Алена была этому только рада. Янина и Валентин поразили ее воображение тем, как быстро они выросли из смешных упитанных карапузиков сначала до школьников, потом до горластых подростков, а теперь вот превратились во вполне сформировавшиеся взрослые особи, очень привлекательные к тому же на вид.

Валентин оказался худощавым и несколько нескладным. Он сутулился, и на его лбу между бровями уже залегла ранняя складка. У кого-то из их друзей, Алена это хорошо помнила, на лбу была такая же точно ранняя морщинка. Двигался Валентин при своих длинных конечностях как-то неуверенно и медленно, словно задумываясь перед тем, как сделать следующий шаг.

А вот Янина, та, напротив, была компактной, но при этом очень быстрой в движениях, скользила она плавно, словно капли ртути. И Алена опять же невольно нахмурилась, пытаясь понять, у кого же она видела точно такую же особенность походки. Алена не сводила глаз с детей своих друзей и, прислушиваясь к их словам, без труда поняла, что эти двое, несмотря на внешние различия, отлично ладят между собой.

Правда, Янина в разговоре почти всегда опережала своего друга. И когда Валентин открывал рот, чтобы еще только указать на какую-нибудь особенность пейзажа, привлекающую к себе его взгляд, Янина уже кричала:

– Ты только посмотри!

Например, бензоколонку с уникально низкой для России ценой на бензин эти двое увидели явно одновременно. Но пока Валентин внимательно рассматривал ее, Янина уже тараторила, задавая Алене вопросы, почему так дешево стоит тут бензин и кто торгует им себе в убыток.

Алене пришлось объяснять:

– Цена на обычных бензоколонках складывается из нескольких факторов: тут и аренда земли, и налоги, и расходы на содержание обслуживающего персонала, и собственное желание хозяина обогатиться.

– Последнее, надо думать, значительнее всего цену и поднимает?

– Не всегда. Есть еще законы рынка, которые регулируют цену на бензин. Если ты станешь продавать дешевле, чем твои конкуренты, то тебя мигом обвинят в нарушении корпоративной этики и в желании перетянуть всех клиентов к себе. У нас же в «Дубочках» подобных обвинений можно не бояться. Места у нас уединенные, если кто посторонний и заедет случайно на нашу заправку, то особого ущерба от этого большому бизнесу точно не будет. К тому же муж из года в год уменьшает собственную долю прибыли, год назад продавал бензин по себестоимости, теперь продает существенно ниже его реальной цены, поэтому наши люди уже привыкли к тому, что бензин всегда стоит одинаково и цена его не меняется уже который год.

– Но бензин вы все же покупаете? – шутливо спросила Янина. – Собственного нефтеперерабатывающего заводика у вас еще нет? Нефть из земли не качаете? А то послушаешь, все-то у вас в «Дубочках» есть. Нефти-то нет?

– И слава богу! – воскликнула Алена. – Но открою тебе секрет: в планах у Василия Петровича перевести «Дубочки» на какую-нибудь более чистую энергию.

– Водородное топливо?

– В нашем отдельно взятом сельском поселении – это вполне посильная задача.

Но и, кроме бензоколонки, по пути до усадьбы гостям предстояло увидеть еще много интересного. Василий Петрович не иначе как нарочно выбрал самую длинную дорогу, желая с самого начала провести экскурсию по своим «Дубочкам». И потому времени у Алены для ее наблюдений за Валентином и Яниной было тоже предостаточно.

От себя она могла сказать, что молодые люди ей нравятся, они были симпатичными и милыми. Но все же какая-то их особенность не давала покоя Алене, заставляя ту хмуриться всякий раз, когда Янина и Валентин выскакивали из машины и начинали нарезать круги перед очередным творением Василия Петровича.

У молодых людей, да и у остальных гостей все в равной степени вызывало в «Дубочках» искренний восторг и даже восхищение.

– Вася, как хорошо ты тут все обустроил!

– А главное, умно!

– И что? – дружно интересовались гости. – И доход твое поместье дает?

Василий Петрович важно кивал головой, не уточняя, что с некоторых пор доходы поместья идут не только на его расширение, но также и на благоустройство промышленных и животноводческих комбинатов всей области. Василий Петрович, имея хороший запас в кубышке, щедро выделял беспроцентные кредиты на развитие родного края. Благодаря ему процветать начали не только «Дубочки», но и окрестные поселки и деревни начали потихоньку приходить в себя после многолетнего запустения.

Сами «Дубочки», которые начинались как экологический проект малой деревни, постепенно разрослись настолько, что теперь тут на постоянной основе проживала почти тысяча человек. И всем хватало как работы, так и еды. Да еще какой еды – чистой и свободной от пестицидов, гербицидов и прочей гадости, которую щедро рассыпают на своих полях бедные фермеры, вынужденные так поступать, чтобы выращивать урожай в достаточных количествах и иметь возможность оплатить грабительские кредиты, под которые у них взята техника, те же семена, удобрения и прочая, и прочая, и прочая.

Но Василий Петрович с самого начала отказался от применения у себя в имении всевозможной химии, много ездил по стране, советовался со староверами, до сих пор ведущими свои небольшие хозяйства в глубинках России. И итогом его поездок стали семена – здоровые и адаптированные ко всякого рода болячкам. И конечно, лучшим удобрением Василий Петрович считал конский или любой другой навоз. С применением этого удобрения растения росли здоровыми и сильными.

– А здоровый организм и сам способен противостоять болезням. Что касается вредителей, то их уничтожают птицы.

Вокруг «Дубочков» раскинулись богатые леса, которые и впрямь были густо населены разной живностью. Пернатые с удовольствием вылетали на поля, где им было легко склевывать и гусениц, и жучков, и тлю.

Этот пример заставлял Василия Петровича еще дальше расширять свою философию:

– Раньше люди жили, травами лечились и почти не болели. А мы с вами хотя и пьем медикаменты горстями, здоровей от них не становимся. Если здоровой и полезной едой питаешься, то и сам здоров будешь, никакие лекарства не нужны будут, организм сам что ему надо из имеющихся запасов скомбинирует и любую болезнь победит.

Проповедуя свои взгляды, Василий Петрович и не заметил, как гости осмотрели и новые корпуса коровника, и амбары для хранения собранного урожая, и даже заводик по изготовлению домашних варений и джемов. И когда дело дошло до осмотра колбасного цеха, в котором готовили всевозможные мясные деликатесы, гости начали как-то странно сглатывать, покрхтывать и вообще подавать какие-то сигналы, которые хозяева сначала не понимали.

И лишь после того, как Павел – отец Янины – спросил напрямик:

– Нельзя ли зайти на завод, продегустировать, так сказать, получающуюся продукцию? – хозяева спохватились, что слишком заболтались, а гости-то у них с дороги еще не кормлены.

– Поедьте скорее в усадьбу! – воскликнула Алена. – Там уже давно накрыт стол к вашему приезду!

После этого все гости моментально заметно повеселели, расселись обратно по машинам и быстро доехали до здания усадьбы, где их и впрямь уже давно ждали.

Глава 2

Инга с Игорем, а также Толя с Леной прибыли еще накануне вечером и уже успели освоиться в поместье. Они вышли встречать гостей, а вместе с ними из главного здания усадьбы и всех прилегающих к ней построек высыпал народ – живущие и работающие при усадьбе люди. Таким образом, на просторном крыльце усадьбы даже на какое-то время стало тесновато.

– Где же вы так задержались?

– Ты что, не знаешь Васю? Пока все свои владения не покажет, нипочем не успокоится.

Инга кивнула головой:

– Ну, мы примерно так и подумали.

– Но все равно, – влезла в разговор Лена, – что-то очень уж долго вы ездили.

– Да, когда вчера вы нам поместье показывали, мы куда быстрее уложились, – вторил ей Толя.

Алена слегка растерялась от такого замечания, но верная Инга тут же пришла ей на помощь:

– Это потому, что Яна и Валентин не были тут много лет. Да и мы с вами вчера приехали вечером. На ночь глядя кто же смотрины устраивает?

– Одно дело – летом, а другое – зимой, – уперся Толя. – Может быть, я тоже хотел все заново внимательно осмотреть. Однако мне такого почета не оказали.

– И потом, вы же с Леной видели поместье прошлым летом.

– Все равно! Почему одним больше уважения, а другим меньше? Разве мы не такие же гости, как и они?

Тут даже деликатная Инга впала в ступор и не знала, что ей ответить. Хорошо еще, что Василий Петрович и остальные не услышали возмущенного выговора Толи, а то получилось бы совсем уж неудобно. А так гости уже прошли в дом, Василий Петрович вместе с ними. Алена

на правах хозяйки тоже шмыгнула следом. Инга осталась наедине с Леной и Толей, продолжавшим ждать от нее ответа.

Инга откашлялась:

– Конечно, мы такие же гости. И у нас впереди еще все новогодние каникулы, чтобы осмотреть в «Дубочках» все до последнего кустика.

Это обещание несколько утешило Толю, который теперь начал интересоваться обедом, для чего побежал на кухню, где опять же принялся давать ценные указания, но уже кухарке и поваряткам. Лена устремила следом за мужем. Инга и Игорь остались наедине.

– Как тебе это нравится?

– Что?

– Претензии Толи, вот что!

– Да забудь ты! – отмахнулся Залесный. – Толя – нормальный мужик. Просто у него в последнее время со здоровьем не ладится, всю дорогу мне жаловался, что работы навалом, а утомляется быстро, не успевает всего сделать, засыпает. Но когда спит, так еще и сны дурные видит, просыпается, ходит невыспавшимся. Вот его все и раздражает.

Значит, у Толи появилась новая хворь – бессонница. Что-то, а поспать Толя любил. Это Инга могла подтвердить. Даже когда Толя бодрствовал, он все равно находился в каком-то замедленном режиме.

– Толя не ожидал, что тут будут другие гости, кроме него, – продолжал защищать приятеля Игорь. – Ты же знаешь, Толик привык, что Ленка с ним носится. Наверное, думал, что и тут то же самое будет. А тут другие гости. Вот он и раздражается.

– И поэтому начинает излишне свои права качать? Нашел место!

– Настроение у него такое.

Инга покачала головой. Не хотела она брать с собой эту пару. Чужало ее сердце неладное. Нет, против Лены она лично ничего не имела, женщина ей нравилась. Но вот Толя... Летом они провели в «Дубочках» всего несколько дней, но и тогда у Инги появилось ощущение, что воспринимать Толю в больших количествах не стоит.

По словам Лены, ее муж обладал открытым сердцем, не привык ничего держать за душой, говорил в лицо прямо что думал. Лену эта особенность ее мужа восхищала. А вот Инга находила прямолинейность Толи несколько грубоватой. И если в небольших количествах ее еще можно было терпеть, то сейчас, когда им предстояло провести в «Дубочках» больше недели, отпраздновать тут Новый год и задержаться до Рождества, это могло стать настоящей проблемой.

Сама Инга была по натуре своей человеком сдержанным. Когда ей что-то и не нравилось, то она держала свое мнение при себе и, лишь если ее очень уж основательно доставали, могла рыкнуть.

Поэтому сейчас она лишь сказала:

– Будем надеяться, что в новом году Толя станет несколько сдержаннее.

– Я поговорю с ним. Объясню, что мы тут все собрались, чтобы приятно провести время, а не для того, чтобы цапаться друг с другом.

– Поговори.

Инга и сама не понимала, что произошло с Толей. Обычно мужик был весьма приветлив, сыпал шутками. Может, и грубоватыми, но зато добродушными. И ведь еще сегодня утром он находился в отличном и даже приподнятом настроении, все его радовало. А к обеду вдруг настроение у него испортилось. С чего бы это? Может, так сильно проголодался? Толя явно привык обильно питаться, вероятно, ему тяжелей других выносить ожидание трапезы. Да еще гости и экскурсия невольно задержали обед, вот Толя и злится. Может, когда он поест хорошенько, то вновь придет в норму?

Но надеждам Инги не суждено было сбыться. И за обеденным столом настроение Толи ничуть не улучшилось. Он ел за троих, но при этом, что странно, ничуть не добрел. Его взгляд продолжал оставаться каким-то настороженным и недоумевающим. Обычно Толик сыпал шуточками, но сегодня его словно подменили. И голод тут никак не мог служить объяснением.

Ведь стол буквально ломился от сытных и изобильных блюд. Несмотря на то что мясного почти не было – в «Дубочках» соблюдали рождественский пост, – на столе было чем закусить и что поесть. Всевозможные овощные закуски, рыба во всех видах, соленые грузди, политые душистым растительным маслом и посыпанные кружками лука, отлично подходили к отварной рассыпчатой картошечке.

Для не желающих соблюдать пост повара приготовили сациви из курицы и перепелов. Последних приготовили исключительно по настоянию самого Толика, который никогда не ел их мяса и вчера выказал желание попробовать. И вот теперь перепела лежали прямо перед ним на круглом блюде, оформленные жареными картофельными и тыквенными чипсами. Толик разрывал уже четвертую птичью тушку, но вид у него при этом все равно был недовольный.

Впрочем, поведение Толика тревожило пока что одну лишь Ингу. Остальные гости слишком проголодались и соскучились друг по другу, чтобы обращать внимание на недовольство какого-то Толика. Инга же видела, что время от времени Толя кидает в сторону Василия Петровича и его новых гостей взгляды, которые становятся все более и более враждебными. Но причину такой неприязни Толи она понять не могла.

Инга видела, что Лена тоже поглядывает на мужа все более и более удивленно. Но он совсем не обращает внимания на ее предостерегающие взгляды, а тарашится в сторону новых гостей со все возрастающей враждебностью.

– Игорь, обязательно поговори после обеда с Толей, – сказала Инга Залесному. – Что он сидит тут как на похоронах?

– Чего ты прицепилась к мужику? Может, у него живот болит, вот он и мрачный.

– Когда у человека неполадки с пищеварением, он так не ест. Посмотри на Толю, он уже четвертую перепелку в себя утрамбовывает! Нет, причина в чем угодно, но не в больном желудке. Ты уж мне поверь!

Сама Инга взяла себе заливное из сома и с удовольствием принялась отламывать по кусочку прохладной студенистой массы. Сомы издавна водились в ближайшей речке. А несколько лет назад Василий Петрович запустил туда молодь. Просто так, на пробу, посмотреть, что получится. Никакого активного участия в жизни подрастающих сомиков люди не принимали, те росли как им заблагорассудится. Очень многие из мальков выросли до приличных размеров, и теперь в речке им стало просто тесно, так что некоторых приходилось отлавливать.

К тому же сомы обнаглели до такой степени, что подплывали совсем близко к берегу, требуя пропитания. И ловить их можно было просто руками или сачком, чем с удовольствием теперь и занимались обитатели «Дубочков». Оказалось, что свежий сом – это отличная рыба с очень нежным, белоснежным мясом. Есть их было сплошным удовольствием, к тому же в речке им до того понравилось, что они принялись плодиться и размножаться там уже совершенно самостоятельно.

– Ха-ха-ха! – донесся до Инги громкий смех Аллы. – Ну, Вася, ты и сказанул! Прямо животик надорвешь с тобой, шутник ты этакий! Валя, сынок, передай мне соль!

Может быть, Алла слишком громко разговаривала за столом, но она всегда была такой – простой и непосредственной. А выпив немного вина и чуточку захмелев, совсем перестала себя контролировать. В отличие от нее Валентин держался скромно, не шумел и все свое внимание уделял одной лишь Янине, с которой специально уселся рядом во время распределения мест за столом.

– Мама, говори, пожалуйста, потише, – сказал он Алле, протягивая ей соль. – Тебя одну и слышно. Другим тоже хочется поговорить.

– Яйца курицу не учат!

Но разговаривать Алла и впрямь стала чуть тише. Они с мужем и Василием Петровичем вспоминали молодость, когда Павел и Юрий еще служили вместе в рядах Советской армии. Василий Петрович, уволившись первым и занявшись на гражданке бизнесом, привлек к нему впоследствии и своих друзей. Подсказывая, а частенько так и просто направляя, он помог своим друзьям открыть собственные предприятия, так что про армию они благополучно забыли, как и многие в те годы.

– Слышал новость? – произнес Юрий, тоже обращаясь к Василию Петровичу. – Валька-то у меня училище в этом году оканчивает.

Благодаря громогласной Алле все за столом уже знали, что ее сын учился в училище Фрунзе почти на одни пятерки.

– По моим стопам парень пошел! – с гордостью произнес Юра. – Я тоже в военные с детства метил.

– Теперь ему жениться нужно, – заметила Алена.

– Обязательно нужно! – вторил жене и Василий Петрович. – Офицеру без супруги никак нельзя. Распределят в часть, а там без жены пропадешь.

Алла и Юрий согласно покивали головами.

– И что? – заинтересованно спросила у них Алена. – Есть кто на примете?

– Найдется! – легкомысленно отмахнулся Юра. – Парень – красавец! На такого всегда охотницы найдутся.

– Мы любой невестке будем рады, – добавила Алла. – Кого приведет сын, ту и полюбим.

– Зачем же далеко искать и к какой-то чужачке специально привыкать? – хмыкнул Василий Петрович. – Вон она – невеста, с нами за столом сидит!

– Кто? – удивилась Алла.

– Янина, кто же еще? – рассмеялся Василий Петрович. – Глаз друг с друга не сводят. Пожените их – и вся недолга!

Как ни странно, это предложение Василия Петровича повергло родителей Вали в замешательство. Да и не их одних. Родители самой Янины – Раиса и Павел – тоже выглядели какими-то смущенными, будто бы Василий Петрович сказал невесть какую бестактность. За столом повисла непонятная пауза. Что касается Янины и Вали, то они трогательно покраснели, опустили глаза в тарелки и избегали смотреть на кого-либо. Вид у обоих был до того красноречивый, что Василий Петрович воскликнул:

– Да вы не ослепли, часом? Взгляните хорошенько на своих детей! Они же созданы друг для друга.

Но, несмотря на все старания Василия Петровича, эта тема развития не получила.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, – поспешно произнес Павел.

– Да, Яночка еще слишком молода, – добавила Раиса.

И уже хором все четверо родителей добавили:

– Ребятам еще рано думать о свадьбе!

Инга оторвалась от своего сома и с удивлением взглянула на эту компанию. Только что, когда речь шла об одном Вале, его родители уверяли, что парень вполне созрел для женитьбы. Но стоило упомянуть Янину, как тут же выяснилось, что о женитьбе парню еще думать рано. И как это понимать?

Но, к счастью, тут внесли суп, аромат белых грибов распространился по всей столовой, совершенно вытеснив из голов обедающих все другие мысли. Прошлой осенью в «Дубочках» и его окрестностях уродилось такое невиданное количество грибов, какого не помнили даже старожилы этих мест. Грибов было настолько много, что обитатели поместья перестали обра-

щать внимание на подберезовики, подосиновики, маслята и даже лисички, а брали исключительно белые грибы.

Ну а белый, известное дело, царь всех грибов. Сколько грибов в лесу ни собери, хоть корзинку, хоть десять, а счет всегда идет только на белые. Идут грибники назад домой и обязательно обсуждают, кто и сколько белых грибов собрал. И спору никакого нет, все остальные грибы хороши лишь, когда нет в лесу белых. А коли есть белые, их одни грибники и будут брать.

Да оно и верно, таким душистым ароматом, такой сытной мякотью, как у белого, не может похвастаться ни один другой гриб. И суп из них получается настолько знатным, что впору ему поспорить с мясным.

– Супчик! – совершенно по-детски обрадовался Залесный. – Грибной!

– Да со свеженькими сливочками.

– А я люблю со сметанкой.

– И с зеленью.

Оказалось, что равнодушных к супу из белых грибов нет. Все с удовольствием приступили к новому угощению, и Инга совсем забыла о своих наблюдениях. Суп был превращен в пюре, к которому были добавлены свежие сливки, а сверху лежало по веточке зеленого укропа. Нежная консистенция сливок, перемешиваясь со вкусом грибов, оставляла на языке и нёбе незабываемое послевкусие.

Впрочем, когда суп был съеден, а горячее еще не появилось, Инга вновь принялась наблюдать за собравшимися за столом гостями. И вскоре заметила, как Яна и Валентин несколько раз обменялись между собой заговорщицкими взглядами. Инга была готова поклясться, что молодые люди что-то затевают. Но вот что?

Постепенно неловкая пауза из-за сухого отказа родителей обсуждать будущее своих детей забылась. Разговор за столом возобновился, но только теперь он касался работы, бизнеса и других вещей, которые Ингу не очень-то интересовали. Толя в разговоре не участвовал, но внимательно прислушивался всякий раз, когда заговаривал кто-то из четверки, прибывшей на праздник со стороны Василия Петровича. Кажется, они сильно его заинтересовали. Он даже на подоспевшее горячее не обратил внимания и лишь после того, как Лена положила ему солидный кусок копченого окорока и поинтересовалась, хочет ли он еще, ответил:

– Да, да, дорогая. Положи, конечно.

Но глаз при этом от судакащей четверки не отвел. И когда Лена водрузила ему на тарелку еще один кусок, он внезапно очнулся, взглянул на мясо и напустился на свою жену:

– Зачем ты мне столько положила? Разве я слон, чтобы все это осилить?

– Но ты сказал...

– Сама не понимаешь, что столько мне не съесть?! Или думаешь, что я кабан?

Лена ошеломленно молчала. А Залесный счел нужным вмешаться:

– Ну-ну, Толька, не серчай. До полуночи, когда в следующий раз за стол сядем, еще далеко, успеешь проголодаться.

За Ингой решил поухаживать Павел, сидящий рядом с ней за столом. И пока Залесный беседовал о чем-то с Леной, мужчина предложил Инге положить ей окорока.

– Благодарю. Я лучше поберегу место для новогодней трапезы. Алена обещала нечто поистине грандиозное.

Но Павел ее намерения не одобрил.

– Вам надо больше есть, – критически заметил он, окидывая оценивающим взглядом Ингу. – Вы такая тощая!

– Спасибо за комплимент, – улыбнулась Инга, хотя по Павлу было совсем не похоже, что он хотел ей польстить.

И он тут же подтвердил догадку Инги, заявив:

- Лично я люблю женщин в теле.
- Об этом нетрудно догадаться, если взглянуть на вашу жену.
- Жену? При чем тут жена? Ах, это вы про Раису?

Павел выглядел разочарованным, словно Инга нарушила какие-то его собственные правила этикета, упомянув о его жене. К счастью, сама Раиса слов мужа не услышала. Но и к самой Инге мужчина тоже вскоре потерял интерес, чему она была только рада. Несмотря на отставку из армии, Павел сохранял все характерные черты примитивного прапорщика, каковым он и являлся до оставки. Шутки у него были плоские, хохот грубым, а его внешность до сих пор сохраняла черты заправского вояки. Павел и на гражданке устроился работать завхозом и, как подозревала Инга, вряд ли отличался особой честностью. Во всяком случае, в армии, как она успела услышать из его собственных рассказов, Павел активно тащил со склада все, что не было приколочено насмерть.

Инга порой думала: а не был ли обусловлен развал армии наличием таких вот ворюг? Конечно, один Павел не мог нанести серьезного ущерба армейским запасам, но если таких вот Павлов окажется уже десять человек, или сто, или тысяча?

В отличие от своего друга, уйдя на гражданку, Юра совершенно забыл про воинскую муштру, и про его манеры Инга не могла сказать ничего дурного. Деликатный, хорошо воспитанный, но вот его жена... Алла казалась Инге грубоватой личностью. И ее развязные манеры на фоне подтянутого Юры казались еще более развязными. Пожалуй, Алле бы куда лучше подошел Павел, вот с ним бы они были два сапога пара.

Но Павлу в жены досталась тихая и немногословная Раиса, женщина, безусловно, куда более интеллигентная, чем ее примитивный супруг. Павлу никогда не было никакого дела до внутреннего мира жены, его в Раисе привлекало то, что она смолodu была девушкой крупной и даже дородной. Как Павел сам признался, именно это качество он в первую очередь ценил в женщинах.

Инге всегда казалось, что Раиса не вполне счастлива с Павлом. Впрочем, сама Раиса никогда не жаловалась на своего мужа. Рая вообще была молчалива, а сегодня и вовсе онемела и за все время обеда едва ли произнесла несколько слов. Обращаться к супругу она избегала вовсе. Если разговаривала, то с Аллой, Аленой или Василием Петровичем.

Тем временем обед подходил к концу. Последним закончил трапезу Толя. Отдуваясь, он вылез из-за стола и тяжело потопал прочь.

- Толя, ты куда? – удивилась Лена.
- Иди, мне того... надо в одно место!

Неудивительно, если учесть, сколько Толя слопал за обедом! Однако Инга невольно отметила, что Толя потопал не в сторону ближайшего туалета, он пошел следом за Аллой и Раисой, которые отправились прочь под ручку, в то время как их мужья разошлись в разные стороны, заявив, что после такого обеда они должны немного передохнуть, иначе за новогодним столом не сумеют воздать должное стряпне хозяйшки.

Все разошлись. Инга решила, что пришло время немного прогуляться. Она не любила после еды валяться в постели. К тому же с утра она еще не выходила из дома, все время чем-то занятая. И сейчас, когда у нее выдалась свободная минутка, она решила воспользоваться последними светлыми минутами уходящего дня и вышла на улицу.

- Добрый тебе денечек.

Инга машинально кивнула дяде Пете – худенькому и невзрачному старичку, обитавшему при кухне и выполнявшему в усадьбе всю черную работу. Особенно ту, где не требовалась особая сила. По причине слабости здоровья дядя Петя с тяжелой работой просто бы не справился. И так как за свою полную скитаний жизнь он никакой наукой или мастерством овладеть не сумел, то под старость ему пришлось бы несладко, кабы не опека Василия Петровича, установленная над этим странным человеком по просьбе Вани.

Дяде Пете было слегка за шестьдесят, но плешь во всю голову, морщинистое лицо и почти полное отсутствие зубов делали его старше своих лет. Перенесенные болезни и лишения тоже оставили на его внешности свой след. Одно плечо было ниже другого, он приволакивал ногу, а его лицо время от времени сморщивалось, словно от внутренней боли. Однако, несмотря на его несимпатичную внешность, дядю Петю в усадьбе все очень любили.

– Душа у него светлая.

– Добрый он человек.

И впрямь, если судить по глазам, а глаза – это зеркало души, то дядя Петя был очень чистым человеком. Хотя по его внешности в целом сказать этого было никак нельзя. Этот мужчина приходился каким-то дальним родственником Ване, этим в основном и объяснялось его присутствие в усадьбе.

– Возьмите родича моего к себе на службу, – как-то попросил Ваня Василия Петровича. – Я за него ручаюсь. Он хороший мужик, вы не сомневайтесь. Беда: в жизни ему сильно не везло. Желу потерял, семью, теперь один остался. Здоровья нет, жилья нет, пропадет, если не пригрется у нас в «Дубочках».

Ваня никогда не обременял своего хозяина лишними просьбами. Поэтому присутствие в усадьбе дяди Пети никогда и никем не оспаривалось. Василий Петрович слишком ценил своего верного телохранителя и просто друга, чтобы отказать тому в такой ерундовой просьбе. Так что дядя Петя летом работал в саду, а зимой выполнял поручения прочей прислуги. От работы сознательно не отлынивал, но иной раз, потаскав тяжести, был вынужден до конца дня лежать в кровати. Так что проку от него почти никакого не было, но в немаленьком хозяйстве главной усадьбы были люди, способные взять на себя и работу старика, и заботу о нем.

В частности, повариха тетя Паша прониклась к бедолаге самыми теплыми чувствами. И теперь дядя Петя почти всегда находился при кухне, где тетя Паша с удовольствием слушала его рассказы о долгих скитаниях по миру, которые в итоге привели его в «Дубочки».

– Благословенное у вас тут место, – говорил дядя Петя. – Я такие места издали чую. Издавна тут люди селились, и неспроста. А к вам меня сам Господь привел. Буду тут жить. Пока живу, все беды вас стороной обойдут. А как помру, тут уж держитесь и молитесь истово, потому что черные дни для всех тогда настанут.

– Что за черные дни такие, дядя Петя?

Но дядя Петя не разъяснял, а лишь обещал:

– Ну а после тех черных дней снова солнышко на небо выйдет, кто жив на земле останется, тех своим светом обогреет.

В общем, старик был чудаковат! И не все в его словах было людям понятно. Ходили про него слухи, будто бы за свои долгие странствия дядя Петя обрел умение волхвовать, вызывая к древним славянским богам: Роду Прародителю, Макоше-матушке, Перуну, Велесу, Ладе и всем тем, кому поклонялись люди земли славянской до того, как из Византии к ним прибыла новая религия.

Тем не менее к дяде Пете тянулись и стар и млад, потому что он был замечательным рассказчиком, а для детей дядя Петя был особо притягателен еще и потому, что знал великое множество всевозможных сказок, чьи персонажи с древними, еще дохристианскими именами сражались с темными силами и неизменно их побеждали.

Удивительным образом оказалось, что эти самые сказки детям в поселке куда интереснее, чем даже планшеты и компьютерные стрелялки-бродилки.

Откуда-то дядя Петя узнал о том, что у его благодетеля и родственника Вани была давняя любовь – Инга. И с самого начала дядя Петя относился к Инге весьма своеобразно, вроде как к их семейной собственности, временно загулявшей, но нуждавшейся в возвращении под родной кров. Говорил он ей всегда «ты», как своей. И проявлял в отношении нее поистине отеческую заботу и участие.

Ингу этот человек смушал, хотя она и понимала, что зла он ни ей, никому другому не желает. Однако ей, взрослой женщине, всегда была удивительна его непонятная забота о ней и отношение, словно к родной дочери.

Вот и сейчас, увидев, что Инга собирается выйти, дядя Петя немедленно насторожился:

– Куда это ты лыжи наострила?

– Да вот... погулять хочу.

– Одна?

Ясные глаза дяди Пети уставились на Ингу вопросительно. От его взгляда женщине внезапно стало не по себе. Казалось, этот взгляд в чем-то ее обвиняет или, во всяком случае, укоряет.

– Да, одна!

– А этот твой... мужчина-то? Чего же с тобой не идет?

Инга не ответила. Еще не хватало – обсуждать со всякими там дядями Петями их личные с Игорем дела. Не дождется такого дядя Петя от нее!

Но дядя Петя не унимался. Он подошел поближе к Инге, ухватился за рукав ее шубы и доверительно произнес:

– Ванька-то без тебя страх до чего скучал.

– Ой, а в самом деле... Где же он?

Только сейчас Инга спохватилась, что не видела Ваню за обеденным столом. Он привез гостей, помог их выгрузить, а потом, видимо, снова уехал.

– Вот, – с горечью произнес дядя Петя, – Ванька по тебе убивается, себя не помнит, а ты даже не заметила, что его нет.

– Я...

Инга была в замешательстве. Что сказать дяде Пете? По-своему он прав. Действительно, нехорошо получилось. Ваня – это ее старый друг. А она даже не обратила внимания на то, что он куда-то подевался.

– А почему он уехал?

– Так чтобы тебя с мужем твоим новым не видеть. Душу себе, значит, не травить.

– Не выдумывайте вы, дядя Петя! – с досадой отозвалась Инга. – У моего мужа с Ваней прекрасные отношения. Они отлично ладят.

– Может, что оно так внешне все выглядит, я не спорю, а только видеть Ваньке вас двоих – словно ножом по сердцу резать. Любит он тебя или не знаешь того?

Инга невольно улыбнулась. Она прекрасно знала о чувствах Вани к ней. Но также знала, что, несмотря на чувства к ней, одолевавшие Ваню вот уже который год, у него имеется в «Дубочках» несколько пассий, с которыми он отлично коротает время от одного ее приезда до другого.

– Дядя Петя...

– Знаю, что сказать хочешь, – неожиданно властно произнес мужчина, заставив Ингу онеметь от изумления. – Только девки эти все для отвода глаз. Вроде как и у тебя с твоим мужем.

– У меня с Игорем все серьезно!

– Это ты так думаешь. А я так вижу, что не будете вы долго вдвоем.

– Это еще почему?

– Не могу сказать, не хочу раньше времени накликать.

– Кого накликать?

– Ее... с косой.

Кого с косой? Уж не смерть ли имеет в виду этот странный старик? Теперь Инга смотрела на дядю Петю с опаской. А он, заметив это, всплеснул руками:

– Напужал я тебя! Прости, сердечная! Не хотел я того, а только предупредить тебя хотел. Не твой это мужчина, потому и не ладится у вас с ним жизнь.

Инга окончательно оторопела. Она никому, даже Алене не жаловалась на Игоря. И откуда же тогда дядя Петя узнал, что она в браке отнюдь не счастлива? Или это Залесный рассказал об их неладах Василию Петровичу, а дядя Петя подслушал? Но тогда выходит, что и Залесный с ней не очень-то счастлив?

Внезапно Инге стало интересно:

– Кто же тогда мой мужчина? Ваня?

Дядя Петя молчал. Но сам его вид говорил о том, что он именно так и считает.

Инга вздохнула и, призвав на помощь весь свой рационализм, произнесла как можно спокойнее:

– Дядя Петя, напрасно вы тревожитесь обо мне и Ване. Ничего промежду нас нет. И Ваня давно уже смирился с этим фактом. А уехал он... Просто у Вани были какие-то свои дела, потому он и уехал. Мы виделись с ним вчера, он ничем не дал мне понять, будто бы его сердце разбито мной.

– Холодная ты, Инга, – со вздохом произнес дядя Петя. – Вот и моя жена, покойница, царствие ей небесное, тоже такая же гордячка была. До беды ее гордость довела. Сама погибла и меня чуть за собой не утянула.

Дядя Петя впервые в разговоре с ней упомянул о своей жене. Инге стало совсем неприятно. Чего это он ее с покойницей сравнивает? Слава богу, она-то пока жива.

– Пойду я, – произнесла Инга, с трудом вырывая свой рукав из цепких пальцев дяди Пети. Тот не стал ее больше удерживать. Лишь крикнул ей вслед:

– Чоботы-то надень! Зима небось на улице-то!

Инга невольно ругнулась про себя:

– Вот привязался! Отстань!

Но сапоги надела. И с чего дядя Петя решил, что она отправится на прогулку в домашних тапочках?

Инга планировала пойти в сад, который был дивно хорош, стоя под снегом. Во дворе заканчивали последние украшения новогодней ели – огромной, почти пятиметровой красавицы, которую привезли из леса специально для празднования Нового года и Рождества. Возле нее сустились рабочие, цепляя на ветки гирлянды огоньков и спеша закончить свою работу до наступления темноты.

С установкой ели так затянули, потому что местный священник внезапно выступил против этой затеи и всего празднования Нового года.

– Новогодняя елка – это символ Рождества, – твердил отец Андрей. – Праздновать Новый год в разгар Рождественского поста – это от лукавого.

Никакие убеждения не помогли. Священник грозил отряженным в лес за елью мужикам, что не пустит в храм ни их самих, ни членов их семей, если они сейчас посмеют послушаться его наказа. Василию Петровичу пришлось лично ехать к священнику и беседовать с ним. Но и это не помогло. Ерундовое дело грозило обернуться крупными неприятностями, ссорой или даже отъездом священника из «Дубочков», как он грозился поступить, если ель будет установлена.

Тем не менее под конец священник все же сдался. Вчера вечером ель была доставлена в усадьбу. Сегодня с утра ее установили и приступили к украшению. Так что во дворе было суточно, шумно, а Инге хотелось тишины, которую она планировала найти в саду.

Однако, выйдя из дома через парадный ход, она снова наткнулась на препятствие. На сей раз это были Янина с Валентином, которые при виде нее так поспешно и испуганно кинулись прочь, что у Инги не осталось ни малейшего сомнения: молодые люди меньше всего хотели, чтобы она обратилась к ним с каким-нибудь вопросом. И Инге внезапно стало грустно. Вот и молодежь уже бежит от нее, как от докучливой старухи.

Так, задумавшись, она отправилась наконец на свою послеобеденную прогулку по заснеженному саду. Чтобы попасть в ту часть сада, куда она хотела, Инге надо было обойти весь дом. Бредя вокруг дома, Инга неожиданно увидела возле черного хода еще две фигуры. Но это были не слуги и не Яна с Валеи. К своему удивлению, Инга увидела Толю, который находился в обществе Аллы.

Они явно специально вышли на улицу, чтобы им никто не помешал разговаривать. Слуги были заняты на кухне или по дому, готовя все к новомуднему вечеру. Так что гулять во дворе или просто прохладжаться им было некогда. Тут можно было поговорить без помех или погулять, как и собиравлась поступить Инга.

Но Алла и Толя явно не собирались долго пробыть на улице. Алла была так и вовсе в домашних тапочках, лишь на плечи она накинула чей-то полушубок. Анатолий хотя и сунул ноги в теплые валенки, но куртка на нем была расстегнута, а шапки не было вовсе.

Эти двое возбужденно переминались с ноги на ногу. И у Инги создалось полное ощущение, что они выскочили второпях, исключительно для того, чтобы бурно и без помех обсудить какую-то тему. Причем, как заметила Инга, тема эта была настолько волнующей для них обоих, что они едва не сцепились друг с другом. Толик что-то втолковывал Алле, а та хмурилась и отвечала ему коротко, отрывисто и злобно.

– Чего это у них там? – удивилась Инга. – Что это они не поделили?

Толя и Алла были едва знакомы между собой, и Инга решительно не понимала, в чем может быть причина их ссоры.

Она торопливо направилась вперед и вскоре смогла услышать отрывки их разговора.

– Закрой свой рот! – яростно шипела Алла, наскакывая на Толю. – Захлопни пасть! Умолкни!

Толик сначала терпел, а потом не выдержал и заорал в ответ:

– Я знаю, что говорю! И никто мне рот не заткнет!

Инга встревожилась уже всерьез:

– Ссорятся! Вмешаться или уйти?

Но в этот момент Толик, окончательно выведенный из себя поведением Аллы, заорал на нее еще громче:

– Никто мне не указ! Если захочу, все расскажу! И никто мне рот не заткнет! Ни ты, ни твой муженек, ни твой любовник!

Услышав последнюю фразу, уже собиравшаяся ретироваться Инга буквально застыла на месте. Любовник! Ничего себе! У Аллы есть любовник!

Инга посмотрела на Аллу, словно впервые ту видела. В отличие от Толи, который познакомился с Аллой и ее спутниками лишь прошлым летом тут же в «Дубочках», сама Инга была хорошо знакома с Аллой и раньше. И та всегда производила на нее впечатление рассудительной и домовитой женщины, хорошей матери и заботливой жены, хотя и несколько горластой и невождержанной на язык.

Но при этом Алла никогда не перечила своему мужу, всегда в спорах принимала его сторону, и вообще они производили впечатление вполне дружной и довольной друг другом супружеской четы, где супруг хотя и находился под каблуком у женушки, но каблук этот был мягкий и тоже своего рода любящий. В верности Аллы своему мужу никто и никогда не сомневался. И вдруг такие обвинения! Да еще из уст Толика, едва знакомого с Аллой.

– С ума он сошел? И вообще, с чего это Алле заводить любовника?

Да и возраст Аллы был далеко не юный. Давно в прошлом для нее остались порывы ветреной молодости. Теперь Алла была уже дамой в годах. Да и внешне она не могла похвастаться какой-то особой привлекательностью. В молодости, наверное, она была еще ничего, как говорится, с водочкой сойдет, но с годами ее внешность совершенно поблекла. И теперь она произ-

водила впечатление пятидесятилетней, изрядно утомленной жизнью и бытом женщины, какой на самом деле и являлась.

К тому же Инга знала, что Алла до сих пор работает. Дела у Юры шли ни шатко ни валко, на жизнь им, конечно, хватало, но Алле все равно приходилось работать. Алена рассказала Инге, что Алле пришлось устроиться на вторую работу, чтобы они могли свести концы с концами.

Когда же Алла при такой загрузке успела завести и любовника? И где?

Инга замерла на месте, надеясь, что сумеет узнать ответ, но тут Алла случайно повернула голову и увидела Ингу. Ее лицо перекосилось, она схватила Толю за ворот куртки и недрогнувшей рукой поволокла за собой. Через минуту лишь примятый ногами снег и два окурка говорили о том, что на этом месте только что стояли люди.

– Ну и дела, – пробормотала Инга. – Хорошо, что Лена этого не видит.

Инга искренне обрадовалась, что именно она, а не Лена застукала, как Алла бесцеремонно обращается с Толей. Схватить его, тащить за собой... А Толя-то... Покорно позволил вытворять с собой такое совершенно посторонней женщине.

– Лене это точно бы не понравилось!

Лена очень трепетно относилась к своему Толе. И наверное, заметь она, как ее любимого поволокли за шиворот, уж нашла бы, что сказать нахалке. Скорее всего, самое мягкое было бы: «У тебя есть свой муж, его и волохай!»

Прогулка по саду неожиданно потеряла для Инги всякую привлекательность. Вернувшись в дом, она поспешила к Алене.

Влетев в спальню к подруге, где та дремала после встречи гостей и сытного обеда, выпалила:

– Ты знала, что у Аллы есть любовник?

Алена поднялась на локте и зевнула:

– Ерунда какая!

– Нет, не ерунда!

– Откуда ты это взяла?

– Я только что слышала, как об этом говорил Толя.

– Кто?

– Толя.

– Но ему-то откуда знать?

– Вот и я тоже не понимаю. Однако кричал об этом чуть ли не в голос. А когда Алла заметила меня, она очень испугалась.

– Странно.

Алена села в кровати, сон совершенно покинул ее.

– Вот дает Алка! Любовника себе завела. В ее-то годы!

– И я о том же!

– Слушай, а может, Толя ошибся?

– Нет, он четко сказал, что ни муж, ни любовник Аллы ему рот не заткнут.

Алена подумала еще немного, а потом изрекла:

– Где же Толя успел так основательно выяснить все о личной жизни Аллы?

– Не знаю.

– Надо спросить у Юры. Пошли!

– Но ты ведь не станешь рассказывать Юре то, что я тебе только что сказала?

– За кого ты меня принимаешь? – обиделась Алена. – Чтобы я стала рушить отношения между двумя супругами лишь потому, что кто-то что-то там сказал? Нет, конечно. Мы просто поговорим с Юрой. Узнаем, когда это они с Аллой успели так сильно сдружиться с Толей.

Но разговор с Юрой не удался. Мужчина лишь вытаращился на Алену и заявил:

– Не понимаю, с чего ты взяла, будто бы я дружен с этим типом. Впервые увидел его рожу в прошлом году у вас в «Дубочках».

– А мне казалось, что вы с Аллой очень сдружились с Леной и Толей.

– Виделись у вас прошлым летом, – твердил Юра. – Уже полтора года минуло с тех пор. С чего ты вообще взяла, что мы дружим?

– Так... показалось.

– Когда кажется, крестись, – дружелюбно посоветовал ей Юра, вновь принимаясь за чтение и просмотр последних политических новостей.

Юра всегда очень внимательно следил за всем, что делается в мире. А в свете последних событий он еще больше увлекся политикой. Вопросы Аллены лишь ненадолго отвлекли его от любимого занятия. Было ясно, что душевного равновесия мужчины они не смутили.

– Он не врет, он действительно не видел ни Лену, ни Толю с того прошлого раза, когда вы все гостили у нас в «Дубочках».

Искать Аллу, чтобы поговорить с ней, подружки не стали. Инге не хотелось выглядеть в глазах женщины сплетницей. А у Аллены нашлись дела по хозяйству. Так что подружки договорились лишь продолжить свои наблюдения и расстались с тем, чтобы встретиться во время подготовки к застолью.

Глава 3

К празднованию Нового года в «Дубочках» всегда относились с особым вниманием.

– Как год встретишь, так его и проведешь!

Это была любимая присказка Василия Петровича.

Правда, надо сказать, что с тех пор, как в «Дубочках» появилась церковь, празднование Нового года несколько поблекло, отдавая пальму первенства среди зимних праздников Рождеству. Но все же главную елку во дворе усадьбы в этом году установили перед Новым годом, хотя, как уже говорилось, и не без некоторого противодействия отца Андрея, считавшего это неправильным.

Также священник отказался посетить новогодний праздник в «Дубочках», сказавшись больным. Всем было понятно, что священник либо притворяется, либо и впрямь заболел с горя. Большинство склонялось к мнению, что священник просто не желает вставать с постели, дабы его не вынудили участвовать в праздновании Нового года, в том, что он считал «бесовской забавой».

Почему священник был так категорически настроен против Нового года? Тема эта была сложной и уходила корнями в далекое прошлое, когда в стране вовсе никто не отмечал этот праздник в ночь с тридцать первого декабря на первое января, а праздновали по старинке в конце марта. В день весеннего равноденствия, когда день и ночь равны и начинает увеличиваться власть света над тьмой.

Затем Новый год стали праздновать первого января. И произошло это строго по указу Петра Первого, вовсе отменившего старославянский календарь, насчитывавший к тому моменту ни много ни мало семь тысяч двести с лишним лет от сотворения мира, и принудившего Русь жить почему-то по календарю юлианскому, хотя вся Европа к тому времени уже жила по календарю григорианскому. Но Западная католическая и Восточная православная церкви шли в этом мире каждая своим путем. Разделились бывшие общими праздники и обряды, разделился и календарь.

Если до революции празднования шли своим чередом, вся Россия жила по юлианскому календарю вместе со своей церковью, то после указов Владимира Ильича страна стала жить по календарю григорианскому. И лишь церковь из последних сил сохраняла прежний уклад, живя по календарю юлианскому, отличающемуся от григорианского на целых тринадцать дней,

что внесло значительный диссонанс в празднование такого важного для всех христиан праздника, как Рождество.

Многие в усадьбе были согласны с позицией отца Андрея.

– Действительно, нехорошо как-то выходит. Нельзя начало года вперед Рождества ставить.

Получался самый настоящий казус.

– Хотя все летоисчисление нашей эпохи идет от Рождества Христова, но само Рождество мы, православные, празднуем уже после Нового года. Неувязочка.

– До большевиков такого безобразия в стране не было. Все шло как полагалось, сначала Рождество, а следом за ним уже и Новый год.

– А теперь что?

Были и такие, кто предлагал вовсе вернуться к старинному празднованию Нового года в конце марта.

– Как наши предки праздновали, так и нам надо делать. И нечего тут умничать, предки мудрей нас с вами были. Мы последние триста с лишним лет по воле Романовых все на Запад смотрим, а про свои традиции и праздники забываем. За то и страдаем.

– Народ, который не знает своих корней, все равно что дерево сухое. Ни цвести, ни плодonoсить оно не может.

– Своим умом жить нужно, свою историю чтить, а не на Запад коситься.

Откуда пошли в «Дубочках» эти разговоры, сказать точно никто не брался.

Но, несмотря на позицию меньшинства, большинство людей в «Дубочках» все же желало праздновать Новый год вместе со всем остальным миром – в ночь с тридцать первого декабря на первое января, если считать по новому стилю. И Василий Петрович с Аленой и гостями не были исключением. Они привыкли к тому, что тридцать первого декабря в доме пахнет мандаринами, еловой хвоей, что на столе стоит салат оливье, а в бокалах пузырится шампанское. Значит, один год прожит, другой начинается, все идет своим чередом по заведенному порядку. Взять и в одночасье изменить уклад своей жизни, даже по настоятельному требованию отца Андрея, они не могли.

И все же некоторую уступку они ему сделали. Если в прежние годы праздник отмечался очень широко и публично, с приглашенными музыкантами, артистами и певцами, то теперь число гостей ограничилось лишь близкими друзьями. А для прочих обитателей «Дубочков» хотя и поставили елку, но никаких специальных увеселительных мероприятий проводить опять же не планировали.

Единственное, Василий Петрович распорядился открыть на эту ночь как свой гараж, так и конюшни, для всех желающих покататься с ветерком были созданы все условия. Был также открыт каток, выдавались коньки. Да и самодеятельные артисты из самих «Дубочков» могли затянуть на свежем воздухе народные песни, благо знали их превеликое множество. Но все это был совсем не тот размах, что раньше. И Василий Петрович полагал, что сделал для установления мира между собой и отцом Андреем достаточно.

Что об этом думал сам отец Андрей, сказать было сложно. Василий Петрович надеялся, что священник не станет слишком сердчать. Ведь путь осилит идущий. А Василий Петрович был еще в самом начале пути, чтобы стать именно таким православным христианином, каким его видел отец Андрей.

Но сегодня вечером всем в усадьбе было не до страданий священника. У всех нашлось много дел, всем хотелось выглядеть этим знаменательным вечером как можно лучше, красивее, привлекательнее – ведь если ты не нравишься самой себе, то как ты можешь понравиться Новому году?

По такому особому случаю Алена вызвала в усадьбу стилиста, работавшего в салоне красоты «Дубочков». Да-да, был тут теперь и свой салон красоты, в котором работали опыт-

ные мастера. Также было и ателье, где шили нарядную одежду на все случаи жизни, в том числе и для утренников в детском садике, выступлений школьной и иной самодеятельности и, конечно, для всех свадебных и прочих торжественных мероприятий.

Несмотря на то что в канун Нового года в салоне было полно работы, главный стилист Настя Соколова любезно согласилась выделить хозяйке поместья и ее гостям несколько часов своего драгоценного времени. Она прибежала в начале пятого вечера, полная морозной свежести и последних новостей.

– Что у нас в салоне делается, не передать! Все клиентки словно нарочно до последнего тянули, чтобы сделать прически и маникюр. У нас очередь до третьего числа расписана, отдыхать никто из девочек не будет, так они все равно без очереди норовят влезть. И у каждой своя причина. К одной сестра приезжает, с которой она тридцать лет не общалась, теперь перед ней не хочет в грязь лицом ударить. К другой подруга прикатила – какая-то столичная фифа, все ей тут не нравится, провинция, убого, затхло. Так бедная женщина из кожи вон лезет, чтобы доказать, что у нас тут все очень даже продвинуто. И как? Могу я им отказать? Если откажу, они же мне потом это припомнят.

Разговаривая, Настя проворно занималась своим делом. За считанные минуты личная гардеробная хозяйки поместья превратилась в импровизированный салон красоты. Тут было самое большое количество зеркал, в том числе и два в полный рост. К тому же гардеробная примыкала к ванной комнате, где при желании и необходимости можно было помыть и даже покрасить волосы.

Конечно, затевать такую энергозатратную процедуру накануне праздника никто не стал. Женщины планировали лишь освежить свои прически и с помощью Насти сделать праздничный макияж. С этой задачей молодая женщина вполне справилась.

Работая, она не умолкала ни на миг. Язычок у нее не знал отдыха точно так же, как и руки.

– А мужчины-то, мужчины! – стрекотала Настя. – Еще хуже себя ведут! Лезут в женский зал, жалуются, что у них всего два мастера, обе уже старухи. И представляете, требуют, чтобы девочки из женского зала бежали к ним, стригли их. Знаю я, что они хотят, девчонок они у меня увести хотят, вот что! Нет, я не против ухаживаний, пожалуйста, сделайте такое одолжение, но не накануне же Нового года!

И тут же, обратив взгляд на Алену, она воскликнула:

– Видела я, кстати сказать, и невесту Вани!

– Кого?

Но Настя, словно не слыша, продолжала болтать:

– Красавица, что и говорить. Небось специально ее к нам в салон привел, похвастаться хотел. Вот, мол, какую я кралю на старости лет оторвал!

Плойка выпала из рук Инги. Алена взглянула в ее сторону и с недоумением спросила у парикмахерши:

– Это ты про какого Ваню говоришь?

– Так про вашего... Ваня – начальник службы безопасности Василия Петровича. Или запомнили?

И Анастасия рассмеялась. Настроение у нее, несмотря или как раз по причине завала с работой, было отличное.

– У Вани что... есть невеста?

– А вы не знали?

– Нет, – покачала головой Алена. – Честное слово, я ничего не знала.

Последняя фраза явно была адресована уже Инге. И именно на нее Алена устремила растерянный взгляд.

– Я понятия не имела, что у Вани кто-то есть!

Инга пожала плечами, что должно было означать: какое мне-то дело! Но сердце у нее в груди стучало часто-часто. Почему-то весть о том, что у Вани есть невеста и он эту невесту всем демонстрирует, больно задела Ингу.

Но Настя ничего не замечала и развивала тему дальше:

– Есть у Вани невеста, и вовсе не какая-то там. Отхватил что надо! Вы даже не сомневайтесь! Такая красотулечка, просто пальчики оближешь. Все Ванины пассии, конечно, теперь в шоке. Они-то готовились, специально все трое у меня прически делали. Каждая надеялась, что Ваня с ней Новый год проведет, а тут такой облом! Какая-то городская красотка уводит у них кавалера. Бедные! Как они это переживут!

К этому времени Настя уже закончила сооружать на голове у Алены нечто похожее на вавилонскую башню, если предположить, что башня эта могла быть украшена жемчугом и цветами. Волосы у Алены всегда были роскошные. А благодаря тому, что она жила на природе и свежем воздухе, они приобрели невиданный ранее блеск, объем и густоту. Так что прическа и впрямь получилась замечательная.

Алла и Раиса такими прекрасными кудрями похвастаться не могли. Но и для них умелица Настя нашла подходящий стиль. В процессе в комнату заглянула Янина.

– Проходи, – помахала Раиса дочери рукой.

– Нет, спасибо, с моей прической все в порядке.

И Янина даже отступила на пару шагов, словно опасалась, что иначе ее могут заставить войти силой.

– Вот трусишка! – рассмеялась Раиса. – Всегда стричься боялась. Маленькую вообще невозможно было затащить в парикмахерскую.

– Слышал бы это дядя Петя! – воскликнула Настя. – Он и так мне все уши прожужжал, что волосы нельзя стричь, что в волосах вся сила. А коли кто волосы стрижет, тот силу свою отстригает.

– Это какой дядя Петя? – удивилась Алена.

– Старикан, который у вас в усадьбе живет. Необычный тип. Столько сказок знает, как начнет рассказывать, не уймешь. А про волосы все мне твердит, что неспроста в сказках у всех героинь коса до земли доходит. Это и краса женская, и оберег, и энергетический портал.

– Чего, чего? – рассмеялась Алена. – Ну и фантазер же этот дед!

Между тем Янина нетерпеливо переминалась за дверью. И наконец, улучив момент, призывно помахала Раисе рукой:

– Мама, можно тебя на одну минутку?

Раиса поднялась и вышла к дочери. Прошло несколько минут, а потом ее голос громко произнес:

– Нет, об этом не может быть и речи!

– Ну мама! – заныла Янка за дверью. – Пожалуйста! Меня девчонки пригласили!

– Какие еще девчонки?

– Горничные. Они сказали, что будет весело. Ну, отпусти меня с ними, мама!

– Еще не хватало! Мы приехали в гости к тете Алене и Василию Петровичу! Как это будет выглядеть, если в Новый год ты вдруг уйдешь?

Услышав этот разговор, Алена тоже выглянула за дверь.

– Что тут такое? – шутливо спросила она. – Шум есть, а драки нет?

– Да вот...

Раиса растерянно смотрела то на Алену, то на свою дочь.

– Хочет встречать Новый год с какими-то своими подружками.

– Ну и что тут такого страшного? – приветливо улыбнулась Алена. – Пусть идет.

– Тетя Алена, вы не обидитесь? – пропищала Янина, но даже по ее голосу было слышно, как она рада.

– Конечно, нет. А ты, Раиса, прямо меня удивляешь. Чего ты на ребенка накинулась? Ясное дело, Янине с молодежью веселее. Пусть себе идет. Молодость на то и дана, чтобы проводить ее в компании сверстников.

– Я даже не знаю... – развела руками Раиса. – Как-то неудобно.

– Отпусти девочку, я тебе говорю!

– Ну, ладно. Если ты так говоришь... Янина, благодари тетю Алену за доброту и мягкость.

– Спасибо!

Янина восторженно повисла на шее у Алены. А потом, поцеловав мать, быстро убежала прочь.

– Вот так, – пробормотала Раиса, растирая на щеке след от помады дочери. – Выросла, я и оглянуться не успела.

В голосе ее прозвучала грусть. Все женщины вернулись в комнату, где Настя уже заканчивала возиться с прической Аллы.

Дошла наконец очередь и до Инги.

– Ну, садитесь же скорее! – пригласила ее Настя. – Время нынче дорого. Закончу с вами, побегу обратно в салон.

Инга села в кресло и, не выдержав, спросила у мастерицы:

– Говорите, новая подруга у Вани появилась? И она очень хороша собой?

– Не подруга, невеста!

– Откуда вы знаете, что именно невеста?

– Так Ваня сам так нам ее представил. Познакомьтесь, говорит, это моя невеста.

– А нам он ее не показал, – произнесла Алена.

– Покажет, будьте уверены, – уверила ее Настя. – Красавица, что и говорить! Сказала, что с дороги у нее прическа помялась. Но сколько я ни присматривалась, так и не поняла, как сделать ее лучше.

– А кто она такая? Чем занимается?

– Не знаю. Вроде бы бизнес у нее какой-то. Но, судя по тому, как она выглядит, дамочка не из бедных. Макияж, маникюр, да и стрижка – все у нее по высшему разряду. Такой уход за собой немалых денег стоит. Хотя она уже и не девочка, но сохранилась идеально.

– Сколько же ей лет?

– Тридцать, сорок, может быть. Вряд ли больше, но для талантливого врача и пятьдесят – это не предел.

Инга решительно уставилась на себя в зеркало.

– А сколько вы дадите мне?

– Вам?

Настя внимательно посмотрела на нее.

– Издали дала бы тридцать – тридцать пять. Но вблизи...

– Что?

– Вблизи видно, что вам уже за сорок. Простите, но морщинки в углах глаз и возле уголков губ – их ведь не скроешь абы как. Тут нужны специальные средства.

– А они у вас есть?

– Кое-что имеется.

– Давайте их все сюда! – неожиданно грозно потребовала Инга.

Проклятые морщинки, они должны исчезнуть! Совсем!

– Я должна сегодня выглядеть максимум на тридцать!

Алена сочувственно взглянула на подругу, а потом попросила Настю:

– Сделай все, что можешь!

– Ну, есть у меня одно средство. Подтягивающий эффект – потрясающий. Но должна предупредить, что держится недолго, максимум ночь. А так – несколько часов.

– Годится! – воскликнула Инга. – Давайте его сюда скорее!

Омолаживающее средство оказалось маслянистым составом в темной бутылочке – еще одной уникальной разработкой бабушек-травниц, уже многие годы трудившихся на одной из фабрик Василия Петровича. Про эту фабрику надо было сказать отдельно. Нынешнее косметическое производство выросло не на пустом месте. Началось все с целебных настоек на травах, потом пошли в дело и грибы, вернее, вытяжки из них. Ну а теперь использовали также продукты животноводства и птицеводства. И хотя производили на фабрике главным образом не косметику, а лечебные средства, помогающие от целого спектра хворей, но, когда возник спрос, освоили и косметическую линию.

Инга с недоверием покосилась на бутылочку без всякой надписи и почувствовала некоторый мандраж. Нет, не то чтобы она не доверяла Насте, но все-таки использовать средство, на котором нет даже примитивной этикетки, воспитанной в современной цивилизации Инге казалось опасным.

Настя явно не замечала ее терзаний, щебетала себе по-прежнему:

– Сейчас нанесем на личико, посидите минут десять, она впитается, а потом можно будет наносить макияж.

– Прямо сразу? Смывать не надо?

– Говорю же: само впитается. В основе комбинации – растительное масло, а оно состоит из более мелких по размеру молекул, нежели самый дорогой косметический крем, какой вы только сможете найти в продаже. Поэтому я всегда говорю своим клиентам: самый дорогой крем заведомо хуже, чем самое простое растительное масло. Мажьте его и не пожалеете. А крем... Это только выкинутые деньги.

Инга пощупала свою кожу на щеках, и ей показалось, что она и впрямь подтянулась.

А Настя продолжала рассказывать:

– Молекулы крема, они ведь при всем желании из-за своих размеров не могут глубоко проникнуть в кожу, а молекулы масла запросто справляются с этой задачей. Они проникают куда глубже, в такие слои кожи, куда крему вовек не просочиться. И к тому же молекулы масла еще способны впитать и «протащить» в себе целебные вещества и трав, и даже лекарств. Вот приведу простой пример: моей бабушке прописали крем от больных суставов. Пока она его мазала сам по себе, он ей не помогал. А когда стала по моему совету сначала наносить на колено каплю оливкового или любого другого растительного масла, дело пошло, и боль отступила!

К этому времени нанесенный на лицо Инги состав и впрямь впитался в кожу, не оставив на ней и следа. Впрочем, как не оставив? Инга однозначно стала выглядеть куда моложе. Приглядевшись получше, Инга поняла, что пресловутые морщинки в уголках глаз и губ вдруг и впрямь куда-то исчезли. Она помолодела лет на десять.

– Вы совсем худенькая, форма лица у вас поэтому не пострадала, – пояснила ей Настя. – Отсюда и такой эффект.

– А мне можно? – неожиданно пробасила Раиса.

– У вас так хорошо не получится, – предупредила ее Настя.

Нанося макияж Инге, она наклонилась и заговорщицки прошептала ей:

– Разгладить крохотные морщинки – это совсем не то же самое, что подтянуть тройной подбородок.

К сожалению, она не соразмерила громкость своего голоса, и Раиса явно услышала слова Насти. Потому что она вдруг сильно покраснела, а потом встала и, широко шагая, вышла вон из комнаты. Но никто, кроме Инги, не обратил внимания на ее уход. Даже лучшая подруга Раисы Алла как крутилась перед зеркалом, любуясь собой, так и продолжала там крутиться.

Инге внезапно стало жаль Раису. Очень неприятно, когда ты такая толстая. Но вдвойне неприятно, когда это замечают посторонние люди. Когда Настя закончила приводить в порядок

Ингу, на что у нее не ушло много времени, так как, по словам Насти, было одно удовольствие работать с таким материалом, Инга оставила женщин и пошла на поиски Раисы.

Она чувствовала, что та обиделась, и хотела как-то успокоить ее, потому что с детства четко уяснила для себя заповедь своей бабушки: не годится тащить в новый год старые обиды. А Инга могла поклясться, что, когда Раиса уходила, в ее глазах блеснули слезы.

В доме было не так уж много укромных уголков, где могла выплакаться Раиса. Поэтому Инга полагала, что ей без труда удастся обнаружить Раису, утешить ее и привести обратно до того, как Настя соберет свои вещи и убежит из усадьбы. Инга представляла, какой урон женской красоте могут нанести некстати потекшие слезы. А тем более если дело касается Раисы, у которой с красотой и так... напряженка.

Однако расчет Инги не оправдался. Она обошла весь дом, заглянула всюду, где могла бы укрыться женщина, но Раисы нигде не было. Не было ее в спальне, не было в зимнем саду, не было в библиотеке. И все туалетные комнаты оказались заняты отнюдь не ею.

– Где же она? Куда подевалась?

Взгляд Инги невольно сместился в сторону окна, за которым было уже совсем темно. Если бы ей захотелось поплакать в доме, битком набитом самыми разными людьми, то куда бы она пошла? Вывод ясен: она бы бежала из этого дома куда подальше. Желательно в сад!

– Видимо, все-таки придется мне прогуляться в саду, – вздохнула Инга. – Ничего не поде-лаешь.

Спустившись с крыльца, она тут же поздравила себя с успехом. С неба начал падать мелкий снежок, но направо от крыльца уходила вереница сравнительно свежих следов. По размеру они вполне могли принадлежать Раисе. Однако, присмотревшись, Инга вскоре поняла, что тут идут сразу два следа. Один женский, и женщина была на каблуках. Второй принадлежал мужским ботинкам. Впрочем, оба следа были засыпаны снегом неравномерно, а значит, обладатели этой обуви прошли тут не одновременно.

Женский след был заметно более свежим. Инга зашагала уверенней. Пока путь ей освещал свет из окон дома, все было хорошо. И вначале в саду с ориентацией тоже проблем не возникло. Но по мере удаления от дома количество горящих фонарей уменьшалось. И внезапно Инга поняла, что, бредя по дорожке, она больше не видит перед собой женских следов.

Вытащив телефон, Инга посветила под ноги фонариком. Ну, так и есть. Следы мужских ботинок были еще кое-как видны под падающим снегом, а вот женские следы куда-то подевались.

– И что? – растерялась Инга. – Куда она делась?

Инга еще раз посветила на дорожку и с недоумением пробормотала:

– Не могла же она улететь?

После некоторого размышления Инга пришла к выводу, что улететь Раиса и впрямь не могла, а вот свернуть с дорожки запросто. Повернув назад, Инга наклонилась пониже, чуть ли не к самой земле, чтобы не пропустить того момента, когда женские следы ответвились от мужских. Она прошла метров десять, когда обнаружила наконец желанную развилку. От основной дорожки отходила совсем узенькая тропинка, ведущая к небольшому пруду, возле которого была выложена плиткой площадка. Тут летом ставили столик, а вокруг него – качели и гамак, на которых можно было передохнуть от дневной жары.

Сейчас ни того, ни другого, ни третьего тут не было. Инга недоумевала, что вообще понадобилось Раисе возле замерзшего пруда?

Вглядываясь в темноту, Инга пыталась определить, правильно ли она идет. Внезапно она услышала впереди себя чьи-то всхлипывания.

– Рая? – подала она голос. – Раиса?

Последовала пауза, после которой женский голос откликнулся:

– Кто тут?

Инга мысленно поздравила себя с победой, голос, без всякого сомнения, принадлежал Раисе.

– Это я... Инга.

Последовала новая пауза.

– Чего пришла?

– Мне показалось, что ты расстроилась. Вот я и захотела тебя найти.

– Зачем?

Инга смущенно молчала. Вопрос Раисы поставил ее в тупик. Но Раиса неожиданно ответила на свой вопрос сама:

– Хочешь еще немного потешиться над жирной коровой?

– Рая! – воскликнула Инга возмущенно. – И в мыслях такого не было! И вообще жирная корова – это ты о ком?

– О себе. О ком же еще?

– Не смей так себя называть! – строго произнесла Инга. – Никогда. И ты, если хочешь знать, вовсе не жирная... ты... Ты роскошная!

Раиса снова помолчала. А потом ее голос из темноты неуверенно произнес:

– Скажешь тоже, роскошная. Жирная я!

– Это все относительно. Ты в Эрмитаж ходила?

– Нет, – откликнулась Раиса. – А зачем?

– Ты сходи, – посоветовала ей Инга, пробираясь поближе к Раисе.

Подойдя, она обнаружила Раису, сидящую в снегу. Опустившись рядом с ней, Инга спросила:

– Про Данаю, надеюсь, ты хоть слышала?

– Картина вроде такая есть? – неуверенно пробасила Раиса.

– Известнейшая картина! – восторженно откликнулась Инга. – И могу тебе сказать, что изображенная на ней женщина отнюдь не худышка.

– Ну, до меня-то ей все равно далеко.

– Так ведь там она молодая.

Раиса громко шмыгнула носом. Но голос у нее, когда женщина заговорила вновь, звучал уже менее трагично:

– В молодости-то я постройней ее была, что верно, то верно. Это после рождения Янки меня так разнесло. У моей матери тоже так было. И у бабки. Насчет прабабки не ведаю, но думаю, что и у нее такая же история. Мы вообще все в роду крупные.

Инга задумалась. А ведь и впрямь, что Раиса, что Павел – оба рослые и крупные люди. Даже тяжеловесные. Раиса, конечно, повыше супруга, но и Павел отнюдь не миниатюрный мужчина. При этом дочка у этих двоих уродилась изящная и стройная. Впрочем, Раиса ведь утверждает, что до родов она была стройняшка. И все же что-то мешало Инге до конца поверить в это утверждение. Допустим, Раиса после родов и набрала двадцать или даже тридцать килограммов, но при этом у нее изначально была от природы еще и очень тяжелая, даже грубая кость. Еще за обедом Инга обратила внимание на то, какие крупные ладони что у Раисы, что у ее мужа. Значит, и в молодости Раиса была из породы тяжеловесов.

Однако Раиса вновь шмыгнула носом, и это заставило Ингу поспешно произнести:

– Раиса, послушай меня, это совсем неважно, худая ты или толстая. Куда важнее, как ты сама к этому относишься.

– Ага, тебе-то легко говорить. Ты вон какая тощая. А я?

И Раиса явно вновь приготовилась зареветь. У нее даже лицо сморщилось, что Инга не столько увидела, сколько почувствовала.

– Рая, прекрати! У тебя глаза опухнут и лицо отечет! Тебе нельзя плакать.

– А кто мне запретит? Ты?

– Я! – с вызовом произнесла Инга. – И вот что я тебе скажу: мне плевать, если ты будешь тут сидеть и жалеть себя, хоть до самых курантов. Но учти, Василий Петрович и Алена расстроятся!

– Да, они добрые. Не хочу их огорчать.

– Вот и молодец.

– Но и в дом я тоже не пойду.

– И что же делать?

– Посижу тут... А когда все выйдут салют пускать, тогда присоединюсь. В темноте ведь не видно, ревела я или нет.

– Не болтай глупостей. Перед салютом нам всем еще предстоит праздничное застолье.

– Ну, тогда я не знаю.

– Ты вот что... Сейчас мы с тобой по саду погуляем, в движении горе легче проходит. Да и вообще какое у тебя такое особое горе, что ты так разревелась? Неужели тебя слова этой парикмахерши так огорчили?

Раиса в ответ снова шмыгнула носом, поднялась на ноги, помогла встать Инге и неожиданно призналась:

– Меня муж разлюбил.

– Да ты что такое говоришь? Он тебя любит.

– Раньше любил, а потом перестал. Домой совсем не спешит. Я ведь почему так и разожралась еще? Наготовлю для него, а он все не идет и не идет. Потом звонит: буду поздно, ужинайте без меня. Из Янки какой едок? Вот я все одна и схомячу, что для двоих приготовила. Не пропадать же добру!

– Наверное, Павел занят на работе.

– Ага, – хмыкнула Раиса совсем уж безрадостно. – Как же! Работа у него. Работает он на ней. Знаю я, какая у него работа! Шляется по бабам, кобель проклятый!

– Раиса! Разве можно так наговаривать на родного-то мужа?

– А что? В себе держать разве лучше? И потом, я не наговариваю на него ни капельки. Он смолоду кобель был еще поискать. И с возрастом ничуть не лучше стал. Пожалуй, так даже и еще хуже. Боится, что нагуляться не успеет. Простатит или какая другая болячка подвалит, и все, привет! А если не простатит, то инсульт стукнет или еще чего. У него уже сколько друзей так перемерло. И те, кто моложе его был, в том числе. Так он после каждого похорон сначала мрачнеет, а потом еще в больший загул пускается.

Инга молчала, не зная, что ответить Раисе. У ее Залесного со здоровьем дела тоже обстояли неважно. Многочисленные болячки, словно озверев, стали мучить его с завидной силой. И хотя врачи были уверены, что ничего криминального у Залесного нет, сердце Инги все равно было не на месте. Но, несмотря на это, Залесный ей не изменял, в этом Инга была точно уверена.

Не будь у нее такой уверенности, фигушки бы она стала жить с этим мужчиной!

– Рая, ты не должна плохо думать о своем муже.

– Так повода бы не давал, я и не стала бы. Оно мне надо?

– Ты напрасно изводишь себя подозрениями. Я уверена: твой муж тебе верен и любит тебя.

– Да? – хмыкнула Раиса. – Ну, тогда ты счастливей меня.

Дальше они продолжали прогулку уже в молчании. Каждая думала о своем и в разговор не вступала. Но Инга была благодарна Раисе уже за то, что женщина перестала всхлипывать. Теперь хотя и сопела в нос, но заново реветь не пыталась.

Снежинки падали им на лица, безнадежно портя наложенный Настей макияж, про который обе женщины уже благополучно забыли. Теперь они думали лишь о том, что снежок приятно освежает их разгоряченные лица.

– Ну что? Еще кружок и пойдем домой?

Раиса кивнула, и они снова зашагали по снегу, словно старые друзья. Но внезапно Раиса замерла на месте.

– Слышишь?

– Что?

– Какой-то звук.

– Какой?

– Крикнул вроде бы кто-то.

– Где крикнул?

Инга стянула капюшон, чтобы лучше слышать, и завертела головой.

– Ничего не слышу.

– Вон там кричали, – указала Раиса рукой направление.

– Наверное, это ребята деревенские уже начали праздновать, – предположила Инга. – Вот и орут.

– Не знаю, – с сомнением произнесла Раиса. – Нехорошо как-то кричали. Невесело.

Они еще некоторое время постояли, прислушиваясь, сами не зная к чему. Но больше никаких подозрительных звуков до них не доносилось.

– Знаешь, я чего-то уже нагулялась, – заявила Раиса и поежилась.

Инге тоже внезапно стал зябко. Вечер утратил свое очарование. А пустынный сад вновь сделался темным и страшным. Обе женщины поспешно развернулись и зашагали обратно к дому, возле которого светили огни фонарей и уже сверкала многочисленными гирляндами новогодняя елка.

Глава 4

Новогоднее застолье и впрямь оказалось великолепным. Алена расстаралась, опять же стремясь как можно большее количество мясных блюд заменить на рыбные, но так, чтобы гости не почувствовали себя при этом обездоленными.

– Бывает трудно примирить собственные стремления и необходимость считаться с другими, – поделилась она с Ингой, как с самой близкой и душевной своей подругой. – Вот я сейчас хлопочу по дому, а сама думаю: зря мы с Василием Петровичем затеяли все это.

– Что именно? – удивилась Инга.

– Ну все... Праздник этот.

– Погоди, – еще больше удивилась Инга. – Почему зря? Ведь Новый год же!

– Но при этом еще и пост.

Голос у Алены звучал как-то кисло. С утра она была значительно бодрей, и такого упаднического настроения у нее не наблюдалось.

– Что случилось? – потребовала Инга, поняв, что в этот вечер ей предстоит выступить в роли всеобщего примирителя и утешителя: – Рассказывай!

Алена вздохнула и ответила:

– Одна из горничных, которую мы послали проведать отца Андрея, вернулась и сказала, что он не захотел ее принять.

– Почему не захотел?

– Не захотел, и все. Боюсь, что отец Андрей сильно на нас с Васей обиделся. Он требовал, чтобы мы отменили празднование Нового года, а мы все равно поставили елку, да еще и гостей пригласили.

– Ну и что? Это ваш выбор. Как священник, он должен прощать, а не укорять.

– Только не отец Андрей. Знаешь, какой он строгий?

Но Инга считала, что люди, строгие к другим, очень часто бывают необычайно мягки к самим себе.

– Нет, отец Андрей не такой, – покачала головой Алена. – Он и к себе тоже строг.

– Ничего, не будет же он век на вас дуться. Скоро Рождество, в честь праздника он должен будет с вами примириться.

– Надеюсь, – вздохнула Алена. – Но пока что на душе у меня нехорошо.

– А что именно он сказал горничной?

– Говорю же: ничего. Он даже к ней не вышел.

– Может, его просто дома не было?

– Дома он был. Матушка Татьяна, это его жена, сказала, что он дома. Но Рита сказала, что попадья держалась с ней очень холодно, если не сказать надменно. И выставила ее за порог, даже ничего нам не передав.

– Довольно невежливо с ее стороны.

– Вот именно, – вздохнула Алена. – Поэтому я и тревожусь.

– Знаешь, если бы эти люди были истинными христианами, то они не стали бы портить тебе праздник своими надуманными обидами. Подумаешь, не послушались вы их с мужем. И что с того? У вас своя голова на плечах есть, у них своя. Вы же им не указываете, как им жить и что праздновать? Правильно?

– Отец Андрей считает себя ответственным за наш с мужем духовный рост. А мы то и дело... распоясываемся.

Инге уже стало надоедать это слишком частое упоминание священника. В прошлый свой приезд она имела счастье познакомиться и со священником, и с его супругой. И они оба показались ей довольно ограниченными людьми, да еще к тому же придающими слишком много значения тому делу, которому служили. Можно подумать, Василий Петрович мало делает для процветания «Дубочков» и людей, тут обитающих! Отец Андрей поселился здесь не так давно, а уже возомнил себя пупом поместья. Ведет себя так, словно он тут главный. Василий Петрович слишком мягко держит себя со священником. И если кто тут и распоясался, то это вовсе не Василий Петрович и не Алена, а сам священник.

Но Инге совсем не хотелось в этот вечер клеймить чьи-то недостатки, пусть даже и справедливо. Все равно это время для такого разговора было совсем неподходящее.

Она лишь сказала:

– Мне кажется, этот ваш отец Андрей слишком много на себя берет.

Постепенно ей удалось немного развлечь Алену разговором. Женщины поболтали о разных хозяйственных пустяках. Но Инга видела, что Алене все равно как-то не по себе. Впрочем, надо отдать должное хозяйке «Дубочков», ее настроение почти никак не сказалось на самом вечере. Алена была слишком хорошо воспитана, чтобы забыть из-за личных неприятностей об обязанностях хорошей хозяйки. Гости потихоньку начали стягиваться к праздничному столу. И Алена постаралась, чтобы всем ее гостям было хорошо и весело. Хлопотала, рассаживала, угощала аперитивами.

Когда Василий Петрович начал разливать для всех присутствующих свою знаменитую вишневую настойку, которую держал для такого случая еще с лета, именно Алена спохватилась:

– Погодите, а где же наш Толя?

Все взглянули на Лену, которая в ответ лишь растерянно пожала плечами.

– Понятия не имею.

– Как же так?

– Искала его везде, но не нашла. Даже в деревню сходила, думаю, вдруг он где-то там задержался, но не нашла. И на телефонные звонки он не отвечает.

– Что за ерунда? А когда ты видела его в последний раз?

– Ну... – протянула Лена, – я точно не помню, но за окном уже было темно. Я сразу после обеда прилегла отдохнуть, потом Толя пришел и тоже рядом устроился. Когда я проснулась, за окном было уже темно, а Толя засобирался и вскоре после этого ушел.

– А куда ушел-то?

– Он сказал мне только, что хочет прогуляться до деревни.

Инга подняла глаза и посмотрела на Лену с недоумением. И не она одна. Все были немало изумлены тем, что Толя мог отправиться куда-то так поздно. Тем более он знал, что сесть за новогодний стол предстоит не позднее половины одиннадцатого вечера, чтобы успеть проводить год уходящий и настроиться на встречу года нового. Как ни крути, а прогулка Толи непозволительно затянулась.

– Наверное, что-то его отвлекло по дороге.

– Но зачем он пошел в деревню? Что ему там понадобилось?

Лена развела руками:

– Сказал, что хочет просто подышать свежим воздухом. Я хотела с ним пойти, но он сказал, что скоро вернется.

– И ты говоришь, что это было уже давно?

– Не меньше четырех часов прошло.

Четыре часа, когда за окном падает снег и температура существенно ниже нуля, – это не так уж мало. Небось не лето, когда это время может пролететь незаметно. Где же Толя?

– Жители вовсю развлекаются, – сказал Василий Петрович. – Вероятно, Толю кто-то позвал к себе.

– Кто же это? У Толи тут знакомых нет.

– И что? Человек узнал в Толе моего гостя и позвал.

Как раз в этот момент раздался звонок.

– Толя! – вскочила на ноги Лена. – Вернулся!

Но она рано обрадовалась. Это был вовсе не Толя. Появившаяся в дверях горничная Рита оповестила всех об этом.

– Там Ваня пришел! – вытаращив глаза, воскликнула девчонка. – А с ним такая...

Договорить она не успела. Послышались шаги, и в столовую вошел Ваня, ведя под руку совершенно роскошную брюнетку, которую Инга возненавидела с первого взгляда. Все в этой претенциозной особе было как-то чересчур. Она была просто воплощением дурного вкуса, начиная от слишком яркого маникюра и заканчивая узким платьем, слишком явно обрисовывающим ее фигуру. Длинный разрез шел почти до самого бедра, оголяя гладкую стройную загорелую ногу. Обута она была в безупречно сидящие босоножки из черного бархата. Инга вздрогнула, когда разглядела стразы у этой особы на ногтях пальцев ног. Подумать только, какая безвкусица! И кому может такое нравиться!

Инга обвела глазами своих друзей, пытаясь прочесть на их лицах те же чувства, что испытывала она сама, и горько просчиталась. Почти все тарацились на Ваню и его спутницу если не с восхищением, то с интересом – это уж совершенно точно. Длинные сильные ноги Аделаиды, которые она щедро демонстрировала через разрезы платья, приковывали к себе внимание всех мужчин.

Первым пришел в себя Василий Петрович. Как и подобает хорошему хозяину, он поднялся навстречу гостям, широко раскрыв объятия.

– Ваня! Да ты не один! Какой приятный и неожиданный сюрприз!

– Как же, – зло прошептала себе под нос Инга. – Приятный! Хм!

Но никто не обратил внимания на ее шипение.

А Василий Петрович продолжал обнимать Ваню и наконец сказал:

– Представь же нам свою спутницу!

Казалось, Ваня только того и ждал.

– Познакомьтесь, – солидно пробасил он. – Моя невеста Аделаида.

Инга не сдержалась и фыркнула. Аделаида! Имечко-то какое... выпендренное. Как раз подходит этой особе. Однако никто больше не разделял ее чувств. И если женщины к появлению сиятельной Аделаиды отнеслись сдержанно, то мужчины были в полном восторге. Все они вскочили со своих мест и окружили вновь пришедших. Причем, как с досадой отметила про себя Инга, ее собственный мужчина тоже не остался в стороне.

Торопливо пожав Ване руку, все мужики окружили прекрасную Аделаиду, которой такое дружное обожание было явно не в диковинку. Она снисходительно улыбалась своими ослепительными белоснежными зубами, которые красовались за сочными алыми губами.

– Эта цаца испортит нам весь вечер, – услышала Инга слова Аллы и в душе согласилась с ней.

Наконец после долгих объятий, девять десятых из которых достались именно Аделаиде, все начали рассаживаться за стол. А устроившись, приготовились наконец выпить тост за год уходящий. На этот раз никого не смутило отсутствие Толи. Одна лишь Лена сидела печальная и пить отказалась. Она то и дело поглядывала то на дверь, то на окно. И при первой же возможности встала из-за стола и вышла вон из столовой.

Но никто, кроме Инги, не заметил ее ухода. Внимание всех сосредоточилось на Аделаиде. Эта женщина умела приковывать к себе внимание. Все мужчины кружили вокруг нее, водя хоромы. Ну а женщины ревниво наблюдали за ними, а следовательно, тоже не могли не смотреть на Аделаиду. Бесспорно, она была звездой нынешнего вечера. И Инга тихо злилась, сама не зная на что.

– Кто эта особа? – спросила она у Алены. – Ты ее знаешь?

– Впервые вижу. Вообще не имела понятия, что Ваня собирается жениться.

Инга хмыкнула и, поднявшись из-за стола, спросила у Игоря:

– Прогуляться не хочешь?

Но он даже не обратил на нее внимания. Он был всецело увлечен Аделаидой, которой рассказывал о том, что справился с целой бандой фальшивомонетчиков, брать которых ему пришлось в одиночку. Инга слышала эту историю без малого двадцать раз, так что ей было неинтересно. А вот противная Аделаида увлеченно хохотала, так широко раскрывая свой рот, что Инге стало не по себе. Уж не сожрет ли эта гарпия ее тощего следователя целиком? Рот-то у нее какой огромный! Если целиком и не проглотит, то уж по частям запросто в себя запихает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.